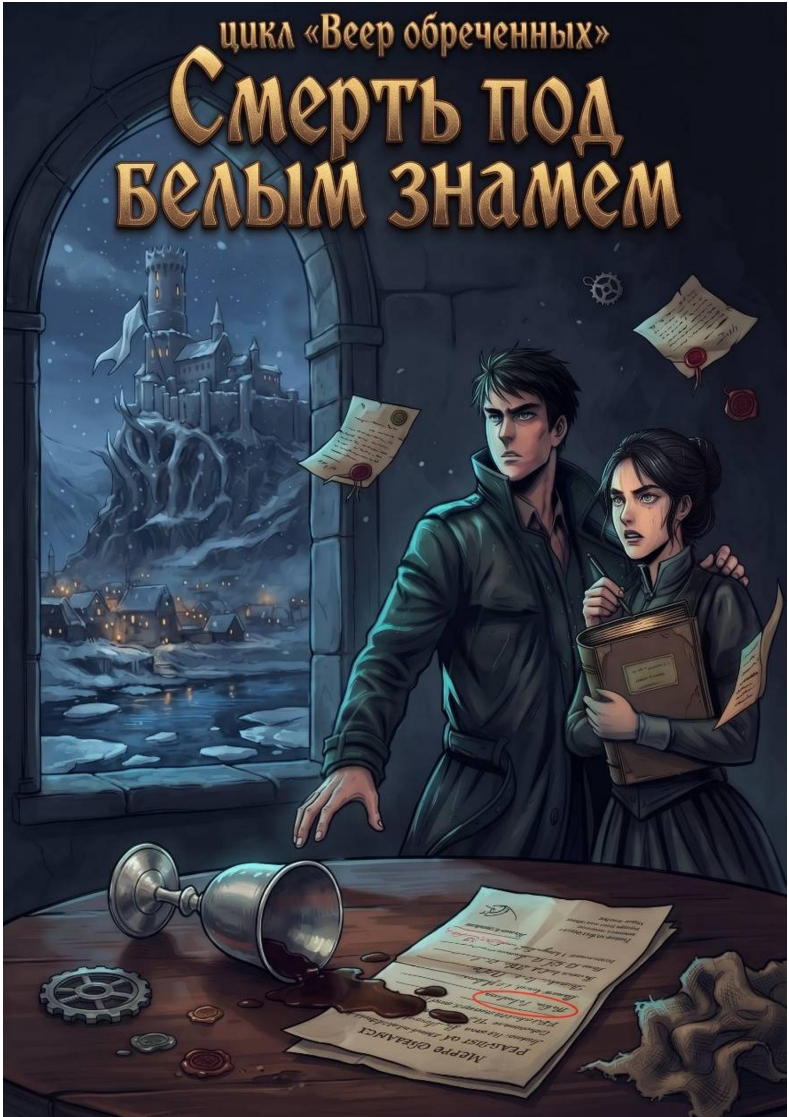
цикл «Веер обреченных»

Смерть под белым знаменем

Валерий Савицкий

Смерть под белым знаменем

https://litres.ru/74792934
SelfPub; 2026

Аннотация

Запертая крепость, убийство в разгар политических переговоров и убийца, затерявшийся среди сотен бюрократических отчетов.

Во второй книге цикла «Веер обречённых» следователь Корин сталкивается с делом, где уликами становятся не только следы на снегу, но и расходные книги белья, провианта и старые медицинские списки. Кто-то хладнокровно убрал Марека Ильса, обладавшего неудобными сведениями о пропавших пациентах. Теперь Корину и его команде нужно пробиться сквозь стены чиновничьего равнодушия, пока убийца заметает последние следы. Удастся ли докопаться до истины, когда сама система стремится похоронить это дело вместе с жертвой?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	54
Глава 5	69
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Валерий Савицкий
Смерть под белым знаменем

Смерть под белым знаменем
Веер обречённых

Книга вторая

Глава 1
Белый Порог

На мост нас не пустили из-за козы.

Она лежала посреди настила, поджав ноги, и смотрела на крепостные ворота с таким видом, будто прибыла раньше всех и теперь ждала извинений. Возле неё стоял возчик с обрывком верёвки. За возчиком — две телеги, крытый фургон, наш экипаж и человек восемь пеших. С другого берега кричали, что проход следует освободить. Коза не отвечала.

В крепости у меня была назначена встреча с человеком, обещавшим рассказать о переводах пациентов. Там же должен был появиться Северан Олвейн. Письмо первого я перечитывал всю дорогу; фамилию второго знал слишком хорошо, чтобы нуждаться в бумаге.

Рута откинула полог.

— Мы можем пройти пешком.

— Можем, — сказал я.

Мы остались сидеть. За утро нам уже дважды предлагали пройти пешком: у подъёма, где лошади не брали обледеневший склон, и возле таможенного двора, где колесо провалилось в старую колею. После второго раза Элиана перестала уверять, что дорога её не утомляет. Теперь она держала на коленях сумку с документами и смотрела на козу без всякой

вражды.

— Разумное животное, — сказала она. — Дальше лестница.

Мост был узкий, поднятый над каменными опорами. Под ним текла тёмная вода с редкими кусками льда. На дальнем берегу крепость поднималась уступами: ворота, нижний двор, крыши хозяйственных пристроек и верхняя стена, за которой торчала квадратная башня. С известкового склона сдуло снег. Издали казалось, что Белый Порог стоит на огромной старой кости.

На башне висели два флага. Ровенский шевелился на ветру. Вальденский прилип к древку и выглядел так, словно его повесили с неохотой.

Мне хотелось увидеть в этом дурной знак. Я поймал себя на таком желании и посмотрел в другую сторону.

На ближнем берегу, под навесом бывшей рыбной лавки, теснились люди. Узлы лежали в снегу; маленькая девочка грела руки у жестяной жаровни. На двери лавки белел свежий лист. Прочесть его из экипажа я не мог, но общий смысл был ясен по цепи, протянутой поперёк дороги к паромому.

— Переправа закрыта? — спросил я у нашего кучера.

— Третий день. Пока господа разговаривают.

— Для всех?

Он указал кнутовищем на наш экипаж.

Рута уже доставала дорожное разрешение. На его обороте перечислялись сопровождающие, багаж и два ящика копий,

которые следовало передать принимающей стороне под расписку. Моё имя стояло между её именем и именем архивистки Вель. Возле него имелось уточнение: «по личному приглашению господина Ильса».

Вальден не направлял меня продолжать следствие. Я сам написал Мареку Ильсу, когда узнал, что он поднимает на переговорах вопрос о лечебницах. Он ответил через две недели: предлагал встретиться и упоминал три перевода, которых не оказалось в переданных прокурору списках.

В управлении мне разрешали сверять документы, составлять вопросы для чужих опросов и отвечать на те, которые задавали мне. Поездку я оплатил сам. От того, что я всё ещё служил в следствии, у меня не появлялось права расследовать дело за границей. Если Ильс передумает говорить, мне останется уехать.

Но я не мог оставить Олвейна в покое. Посредники, оказавшиеся под судом, не выбирали целителей и не решали, кого удерживать в лечебнице. Человек, который отдавал такие распоряжения, оставался на свободе. В управлении продолжали разбирать бумаги. Я хотел найти тех, кто исполнял его приказы и мог об этом рассказать.

У жаровни женщина расправила на колене свёрток и поманила девочку. Та отломила от лепёшки кусок, съела, потом сунула пальцы под мышки — отогревать. Всякий раз, когда на мосту кто-нибудь поднимал голос, она выпрямлялась: вот теперь, может быть, позовут. Я вышел из экипажа.

— Если собираешься убрать козу, я хочу посмотреть, — сказала Элиана.

— Узнаю, что на листке.

Сверху стояла печать коменданта, внизу приписка: пропуск через мост по особому разрешению, паром до следующего распоряжения не ходит. Ни слова о том, когда это распоряжение выйдет. Лист прибили одним гвоздём; ветер загибал его, показывая изнанку.

— Я уже читала, — сказала женщина у жаровни.

У неё на рукаве были нашиты влажные полосы вельвета, неровно, разными нитками. Она прикрыла свёрток от ветра.

— Вы когда приехали?

— Позавчера. Она ждёт мешки, — женщина кивнула на девочку. — Думает, на той стороне дадут нам забрать муку.

— А дадут?

— Дадут, если я сегодня заплачу за хранение. Завтра уже нечем будет платить. Из-за такого и держишь свою лавку: чтобы зависеть от людей, которых никогда не видел.

Она сказала это без просьбы. Я всё равно начал прикидывать, нельзя ли взять их с собой. Рута уже шла к нам, придерживая край плаща.

— Как называется решение, которое ты сейчас придумал? — спросила она.

— Я пока не придумал.

— У тебя лицо, как когда ты придумал.

Я показал ей объявление. Она прочла до конца, хотя успе-

ла прочесть всё и с экипажа, затем спросила женщину, кто отвечает за муку.

— Со стороны перевозчика — брат. Я ему написала, что еду.

— Его можно попросить забрать мешки на хранение от вашего имени. Если передадите письмо, я узнаю, куда его доставить.

Женщина оглядела нас обоих.

— Что за письмо? Прошу не брать денег?

— Пишите брату, что сочтёте нужным. Я только узнаю, как передать.

Элиана подала через дверцу бумагу и дорожную чернильницу. Женщина расписалась на краю, проверяя перо, и принялась писать стоя. Девочка следила за кончиком пера. Я помог бы ей подняться на ступеньку, чтобы лучше видеть, но она ухватилась за колесо и поднялась сама.

Рута дождалась письма, положила его во внешний карман. Уже на подножке сказала мне:

— Если б ты взял её в экипаж, на воротах повернули бы всех. У неё не было права идти с нами. А у письма есть.

— Ты могла просто сказать.

— Я и сказала. Теперь ещё письмо есть.

На мост вышел караульный с вязанкой сена. Коза поднялась сама. Возчик воспользовался этим так стремительно, будто всю жизнь ждал именно такого случая. Через несколько минут наш экипаж покатился к воротам.

На первой каменной опоре нас остановили снова. На холоде раскрыли дорожную книгу и стали пропускать телеги по одной. Караульный узнал печать Руты, пересчитал ящики, потом посмотрел на меня. В его списке вместе с вальденской делегацией ожидали троих служащих. Имени моего среди них не было. Я достал письмо Ильса. Караульный прочёл его до слов «прошу приехать» и вернул.

— Здесь указано, что вы едете к нему. Не указано, кто примет вас сегодня.

Рута показала оборот дорожного разрешения. Караульный попросил её подождать, пока спросят у человека по другую сторону моста. Экипаж откатили к перилам. За нами уже стояла повозка с бельём, запряжённая одной лошадью. Возчик громко сказал, что если мы ждём разрешения, пусть разрешат объехать нас. Караульный закрыл книгу и ответил, что тогда ему придётся отдельно искать, кто отвечал за каждый ящик.

— Я могу подождать у нижнего поста, — сказал я Руте. — А вы езжайте.

Элиана положила ладонь на ручку дверцы. Я думал, она сейчас скажет, что останется со мной, но она спросила, сколько я готов ждать и удастся ли мне найти место у огня. Ветер дул из-под настила, и снаружи почти не слышно было её голоса. Рута разрешила открыть дверцу шире. Я увидел, что Элиана держится за неё обеими руками.

— Пока сбегают за ответом, — сказал я. — Если Ильса

нет, попрошу оставить меня на этой стороне.

Караульный дошёл до первой ступени у башни. Оттуда позвали обратно. К нам подошёл человек с узким листом, который Ильс прислал коменданту заранее. Он прочёл номер экипажа, сверил печать и попросил меня назвать своё имя так, как его вписали в разрешение.

Я представился. Он написал на полях «частный гость» и предложил поставить подпись. Рука по привычке пошла к правому нижнему углу, туда, где я всегда указывал ведомство. Место для ведомства на этом листе закрывала чужая печать. Я расписался под именем.

Бельевую повозку пустили сразу следом. Возчик, ещё минуту назад просивший нас объехать, теперь окликнул караульного и показал, что один ящик при наших остановках успел сдвинуться к краю. Мы придержали его вместе, пока Рута поправляла верёвку. Когда я снова сел, Элиана отпустила дверцу, осторожно убрала руки под сумку и только тогда спросила, смог ли я прочесть слово, которое вписали рядом с моим именем.

— Смог.

— Тогда я больше не буду напоминать.

Она сказала это так, что я почти рассмеялся. Дальше нас звали уже от арки. За мостом лошадь ступала медленнее, хоть никто её не торопил и, казалось, все бумаги наконец были на месте.

Под аркой пришлось выйти. Ровенский десятник сверил

наши имена, осмотрел печати на ящиках и попросил открыть сумки.

— Архивные принадлежности, — сказала Элиана.

Он поднял небольшой матерчатый свёрток.

— Это тоже?

— Чулки.

Десятник положил свёрток на место с осторожностью человека, которому впервые попалась совершенно необъяснимая улика.

Рута смотрела прямо перед собой. Я отвернулся к стене.

В моём багаже лежали сменная рубаха, бритва, блокнот и книга, которую я вёз уже третью поездку, так и не открыв. Десятник задержался на книге, перелистал её и вернул. Меч он вынуть не попросил.

— В общую палату с оружием не входят. В гостевом крыле носить разрешено. На стены без сопровождения нельзя. Ворота закрывают с вечерним колоколом.

— А если заседание закончится позже? — спросила Рута.

— Заседание может закончиться когда угодно. Ворота — с колоколом.

Десятник вернул ей разрешение. Когда я потянулся за своим жетоном, рука по привычке нашла его под воротником.

— Здесь его не требуют, — негромко сказала Рута.

Я отпустил цепочку.

В нижнем дворе стояли телеги с дровами и бельём. Воз-

чики спорили из-за места у навеса. Двое работников тянули вверх по пандусу длинный ящик, из которого торчал кусок медной оправы. У стены сидел мужчина в серой куртке с нашивкой мастерской. Он держал кружку обеими руками, хотя питьё, судя по отсутствию пара, давно остыло.

Возле него мальчишка лет двенадцати пытался разжать замёрзший узел на тюке. Шнур не поддавался. Мальчишка сунул его в рот.

— Тим.

Слово прозвучало негромко, но он сразу вынул шнур.

Девушка, спускавшаяся с телеги, протянула ему маленький крючок. На ней была короткая рабочая куртка и шерстяной платок, завязанный так, чтобы концы не мешали рукам. Она подождала, пока мальчик подденет узел, забрала крючок и подняла свой край тюка.

— Сюда нельзя, — сказала она нам.

Рута остановилась.

— Гостевое крыло?

Девушка посмотрела на сумки, потом на ящики, которые караульные снимали с нашего экипажа.

— По лестнице. Под красной крышей. Не через прачечную.

Она сказала это без любопытства, уже поворачиваясь к своему тюку. Тим потянулся было за второй связкой, но она переставила её на край телеги, ближе к его рукам.

Мы обошли повозку. Элиана шла последней. Я замедлил-

ся у начала лестницы, делая вид, что поправляю ремень сумки.

— Я вижу, — сказала она.

— Что именно?

— Что сумка у тебя исправна.

Мне пришлось подняться первым.

На середине лестницы Элиана остановилась. Я услышал за спиной, как она медленно выдыхает. Рута тоже остановилась, будто понадобилось рассмотреть кровлю.

Я смотрел на верхнюю площадку и старался не оборачиваться слишком часто.

— Если вы оба будете так тщательно не замечать, — сказала Элиана, — я начну отдыхать исключительно вам назло.

— Тогда делай это чаще, — ответила Рута.

После этого идти стало легче. По крайней мере мне.

На площадке нас ждал мужчина в форменном кафтане без плаща. Он был широк в плечах, темноволос, с обветренной кожей и коротким шрамом возле рта. Один рукав у запястья потемнел от воды. Похоже, ради встречи с нами его оторвали от другого дела.

— Леон Ратт. Комендант.

Рута представилась и протянула разрешение. Он едва взглянул на первую страницу, зато внимательно прочёл приложение.

— Ящики в комнату сверки. Разместиться успеете после передачи. Вскрывать при представителях обеих сторон.

— Они запечатаны в управлении, — сказала Рута.

— Потому и при обеих.

Он показал караульным боковую дверь. Потом задержал взгляд на мне.

— Следователь Корин?

— Да.

— Господин Ильс подтвердил ваше приглашение. Комната подготовлена. Но приглашение не даёт права проводить обыски и опросы от имени гарнизона. Если ночью услышите что-нибудь подозрительное, будите караул.

— Даже если караул сам шумит?

Ратт посмотрел на меня без улыбки.

— Тогда будите меня.

За его спиной открылась дверь. Из коридора вышел посыльный и, увидев нас, остановился. Ратт забрал у него лист, быстро прочёл и согнул пополам.

— Господин Ильс прибудет к вечеру. Подготовительная встреча состоится сегодня. Общий стол — завтра, после первого заседания. О переменах сообщат.

— До встречи я хотела бы посмотреть старые расходные книги крепости, — сказала Элиана.

Комендант повернулся к ней.

— Какие именно?

— Бельевые и провиантские. За те месяцы, когда здесь останавливались перевозчики из нашего перечня.

— Вы привезли списки кристаллов.

— И людей. Ящики в провианте не нуждаются.

Ратт помолчал.

Я не стал добавлять объяснение. Элиана уже открыла сумку и достала короткую выписку с тремя датами. Она положила её на широкий подоконник, чтобы коменданту не пришлось держать бумаги на ветру.

— У нас есть номера перевозок, — сказала она. — В сопроводительных листах указано оборудование. Но если на этих остановках выдавали дополнительные одеяла и еду, можно выяснить, были ли с грузом пассажиры.

Ратт прочёл даты.

— Первая книга у меня. Остальное у Леды. Ей велят показать вам записи после обеда. Старые имена без разрешения не переписывать.

— Мне для начала хватит количества.

Он забрал выписку и ушёл. Посыльный последовал за ним, торопливо поправляя ремень на плече.

— Ты могла сказать мне об этом в дороге, — заметил я.

— О книгах?

— О своём запросе.

— Я говорила. На второй заставе.

Я вспомнил вторую заставу, грязь возле сломанного колеса и собственную уверенность, что слушаю её.

— Значит, повторишь после обеда.

— За обедом, — поправила она. — Иначе ты опять куда-нибудь пойдёшь.

В комнате сверки было холодно. На большом столе уже лежал ровенский перечень получаемых материалов. На каждой странице оставили место для двух подписей. Рута сравнила номера печатей, заставила принести вторую лампу и отдала мне мою часть списка.

Час Рута передавала материалы: считала листы, проверяла углы копий и разворачивала тесёмки, не распуская узлов на оригиналах. Принимающий писарь сперва торопился, потом понял, что её этим не ускорить, и сел как следует. Я помогал раскладывать папки. В акте приёмки моего имени не было.

На седьмой папке писарь взял ножницы.

— Что режете? — спросила Рута.

— Тесьму. Папки нашего образца уже принесли.

— Тесьму оставьте.

Он посмотрел на неё с недоверием, будто она заявила право собственности на нитку.

— Вчера нам сказали всё переложить. Так удобнее вести дела.

Рута подвинула к нему опись. На некоторых экземплярах, объяснила она, к одному сгибу подвязаны два листа: копия распоряжения и подтверждение приёмки. Если их разнять и рассортировать по датам, можно получить впечатление, что обе бумаги удостоверяют один и тот же переход. На деле одна удостоверяла только выход обоза, другая — прибытие груза. Число людей в графе назначения от этого не становилось

известным.

— Ну да, — сказал писарь. — Пока не спросят.

— Вот я спрашиваю.

Я взял верхнюю копию. У самого края одно имя было вытеснено номером. Человек, которого обозначили так в день отъезда, спустя два месяца искался по номеру, а не по имени. В поселении, где его могли помнить под собственным именем, этот номер не означал ничего.

Элиана придержала край бумаги.

— Этот лист я просила Вальден заверить с оборотом.

Писарь перевернул его. На обороте ничего не было.

— Передали без оборота, — сказал он.

— Передали с пустым оборотом. Это тоже результат. У нас был экземпляр, на котором позднее дописали следующее место назначения. Если на принятом тогда обороте пусто, ищите, кто и когда внёс следующий адрес.

Она произнесла это почти рассеянно: за разговором успела снять перчатки и теперь пыталась засунуть одну в другую. Писарь нашёл строку для замечаний. Я поймал себя на том, что, выйдя один на дорогу с письмом Ильса, ни об одной такой мелочи не подумал бы.

С улицы принесли весть о письме с переправы. Его взял караульный из нижнего поселения, который знал склад. Рута попросила записать имя посыльного на обороте её дорожного разрешения. Писарь вытащил второй лист.

— Это к делу переговоров?

— К муке, — сказала она.

Он поднял на неё глаза. На этот раз первым рассмеялся он.

Элиана принесла из конца стола три копии, заверенные одним и тем же человеком. Положила перед писарем веером и попросила указать первую. Он выбрал ту, где стоял меньший номер.

— Это листы, — сказала она. — Я про время их составления.

Писарь прочёл даты, выбрал другую. Элиана перевернула первый лист. На обороте сохранился след чернил от соседней страницы. Я видел только две обратные буквы, пока она не поднесла сверху второй лист. Теперь буквы складывались с написанными на нём так, как сходятся края разрезанной строки.

— Эти две выписки лежали вместе, пока чернила были свежими. Вот откуда отпечаток. А запись о прибытии пришла с другой стороны. На ней другая канцелярская отметка.

— Вы возражаете против этой записи?

— Я хочу знать, с чем вы будете её сравнивать.

Он замолчал. Рута посмотрела на меня; это значило, что мне пора перестать опираться на стол, как будто из-за моей руки писарю станет легче ответить. Я отодвинулся. Оставалось ждать, пока он сам решит, что делать с листами.

Дежурный принёс ему вторую лампу. Вместе с ней положил на стол сложенный счёт за хранение муки. Рута узнала

цифры из письма женщины у жаровни. Посыльный выяснил, что складской сторож согласится придержать груз до открытия переправы, если за него поручится местный получатель. У женщины на той стороне был брат. На обороте счета сторож приписал его имя.

— Теперь у вас две бумаги о муке, — сказал писарь. — Одна о том, кто послал. Другая о том, кто получит.

Рута кивнула. Писарь посмотрел на три листа о больных. Ни один из людей, вписанных в эти строки, не знал, кого попросили ждать по другую сторону дороги. Писарь подвинул к себе книгу исходящих и спросил Элиану, на какой день запрашивать местный экземпляр.

Я подал Руте одиннадцатую папку и заметил чужую помету в ровенском перечне.

Две фамилии из наших закрытых списков были заранее вписаны в графу запрашиваемых сведений. Полностью, с именами. В общем письме, на основании которого нас пригласили, значились только номера переводов.

Я подвинул лист Руте и показал строку ногтем.

Она прочла, подняла глаза на писаря.

— Кто составлял приложение?

— Канцелярия господина Ильса.

— Нам нужна копия исходного запроса и основание для этих двух имён.

Писарь посмотрел на страницу.

— Могли взять из другого дела.

— Тогда запишите, что нам нужен его номер.

Он записал. При этом так близко наклонился к листу, что рукав задел огонь лампы. Я успел отодвинуть её.

— Благодарю, — сказал он и побледнел, только теперь заметив, что произошло.

Имена мы не вычеркнули. Рута обвела строки на собственной копии и положила её отдельно.

Когда мы наконец вышли, во дворе уже зажгли фонарь. Гостевые комнаты располагались под крышей, и для меня это означало ещё один подъём. Для Элианы тоже. На этот раз я предложил понести её сумку без всяких уловок.

Она отдала.

— Вот так можно было с самого начала, — сказала она.

В комнате у меня стояла узкая кровать, умывальник и стул с короткой ножкой. Из окна было видно переправу. Под навесом рыбной лавки ещё горела жаровня. Наш экипаж проехал через мост, а люди остались ждать.

Я снял плащ и обнаружил, что замёрз сильнее, чем думал.

На столе лежали хлеб, миска густой похлёбки и две деревянные ложки. Я посмотрел на вторую, потом на дверь.

Элиана появилась через минуту со своим стулом.

— У меня сквозит, — сказала она.

— У меня качается.

— Значит, мой стул и твоя комната.

Она поставила его возле стола. Я подвинул миску так, чтобы обоим было удобно. Некоторое время мы ели молча, слу-

шая, как по желобу за окном стекает вода.

— Те два имени, — сказала она наконец. — Я не помню их в открытых выписках.

— Я тоже.

— Но ты уже хочешь пойти спросить.

Я отломил хлеб.

— После еды.

Она улыбнулась, опустив глаза на миску.

— Тогда доедай. Я хочу присутствовать.

Стук раздался прежде, чем я успел ответить. Посыльный принёс приглашение на подготовительную встречу. Я взял лист, прочёл имена участников и остановился на последней строке.

Северан Олвейн.

Элиана протянула руку, и я отдал ей бумагу.

Она прочла пояснение возле фамилии, потом положила приглашение на стол и аккуратно вытерла ложку куском хлеба.

— В общем зале, — сказала она. — Я думала, он встретится с Ильсом отдельно.

— Теперь отдельно встречаться придётся нам.

За дверью посыльный переступил с ноги на ногу. Он всё ещё ждал ответа.

— Передайте, что мы придём, — сказал я.

Когда шаги стихли, Элиана встала и подошла к окну. Отсюда нельзя было увидеть верхние ворота, но мы услышали,

как во дворе загремели колёса. Кто-то отдавал короткие распоряжения. Лошадь ударила копытом о камень.

Я остался у стола. На приглашении рядом с именем Олвейна стояло пояснение: «представитель попечительского совета мастерских».

Через границу прошли наши ящики, закрытые списки и человек, которого мы не могли допросить в Вальдене. Здесь ему отвели место за общим столом.

Элиана обернулась.

— Сумку оставь у меня перед встречей, — сказала она. — Копии я понесу сама.

Я кивнул.

Внизу продолжали разгружать экипаж.

Глава 2
Чужие швы

Книга бельевого расхода была тяжелее моей дорожной сумки.

Леда поставила её на край стола, не убрав лежавший там рукав. Под потёртым кожаным углом хрустнула пуговица.

— Вот, — сказала она. — Началось.

Я подняла книгу. Пуговица уцелела. Старая нитка лопнула.

— Можно пришить.

— У нас всё можно. Поэтому вы сверху и думаете, что оно само.

Я не стала объяснять, что в архиве про нас думают то же самое. Подвинула рукав и села на предложенный табурет. Его ножки расходились на четыре разные стороны. Леда заметила мой взгляд.

— Не упадёте. Проверено писарем.

В мастерской было жарко. Над печью сушились детские варежки, хотя детей здесь, по словам караульного, быть не полагалось. У окна девушка, которую мы видели во дворе, протягивала нить через грубую ткань. Мальчик держал другую сторону и смотрел на иглу так обиженно, словно зашивали его самого.

— Не рви больше, — сказала она.

— Я не нарочно.

— От этого крепче не станет.

Леда принесла лампу. На краю стола стояла склянка с выцветшим словом «сиволист». Тим потянулся подвинуть её, чтобы поставить лампу. Леда перехватила его руку.

— Эту оставь мне. Для работы с деревом она годится, а на столе, где едят, ей делать нечего.

Она убрала склянку в шкаф. Тим подождал, пока щёлкнет дверца, и только тогда придвинул лампу к Нере.

— Нера, после рукава забери салфетки из сушильни. Тим, со мной. И руки вымой. Обе.

Мальчик ушёл, неохотно выпустив ткань. Нера закончила стежок, закрепила нитку и только тогда подняла на меня глаза.

— Вам нужна эта половина стола?

— Пока нет.

Она придвинула к себе маленькую деревянную лошадь без одной ноги. Несколько мгновений разглядывала место слома, потом завернула игрушку в обрезок холста. Ни одного лишнего движения.

— Чья? — спросила я.

— Ничья пока. Валялась.

— На полу?

— Под колесом.

Я подождала. Больше объяснений не последовало. Нера

натянула на палец жестяной напёрсток, посмотрела, не протёрся ли он насквозь, и убрала в карман.

Из сушильни вернулся Тим, с мокрыми ладонями и совершенно сухими рукавами. Отправляясь к нему с тазом, Леда перехватила меня возле стола.

— Если вы спрашиваете про девочку, я её отпускать не собираюсь. Работает лучше троих, ест меньше всех. Когда они уедут, мне опять пришлют людей, которые не знают, с какого конца узел развязать.

— Я спросила про лошадь.

— А лошадь тоже не отпускать, пока ногу не сделают.

Снаружи ударил колокол. Один из работников бросился к сушильне, Леда окликнула его и велела сначала поставить таз. Началась перемена смены. Люди шли через мастерскую навстречу друг другу, менялись ключами, оставляли на табурете жестяные бирки. Леда принимала их, почти не глядя, по звону определяла, какая упала на пол. Нера ничего не возвращала. Не успев убрать чужой рукав, принялась снимать с верёвки высохшее бельё.

К Леде подошла женщина в промокшем чепце. Встала так близко, что я услышала бы разговор, даже если бы они обе шептали.

— У моего опять кашель. Соседка сказала, до вечера побудет. А потом ей к печам.

— Возьми ужин и ступай, — сказала Леда.

— У меня вечером зал.

Женщина посмотрела в сторону стола. Нера сложила полотно и ответила прежде, чем Леда успела открыть рот:

— Возьму.

— Ты и так с утра здесь.

Нера дожала согнутый край ткани ладонью.

— Я умею.

Леда велела говорить об этом завтра, если мальчик всё ещё будет болеть. Женщина ушла обратно в сушильню; видно было, что она рассчитывала получить разрешение уже сейчас. Нера дождалась, пока Леда отвернётся.

— Если что, — сказала она женщине. — Идите.

Та вернулась, поправила у Неры на подносе загнувшийся край полотна и тихо ответила:

— Спасибо, девочка.

Нера выпрямилась, будто её застигли за чем-то чужим. На меня не посмотрела. Я снова взялась за книгу, дав ей возможность уйти.

В мастерскую вошла девочка с красным от мороза носом. Я узнала её не сразу. Вчера на мосту она стояла у жаровни, а сейчас на ней был чужой тулуп, подвязанный под руками, чтобы не падал. Леда спросила, как она сюда попала.

— Караульный из нижнего двора привёл. Он маму знает. Сказал, потом отведёт обратно. Мама велела спросить, чинят ли у вас мешки.

Она вытащила из-под тулупа сложенную пополам мешковину. Леда развернула её. Старый шов расползся почти до

горловины.

— Чиним, когда есть время. Много у вас таких?

— Этот пока один. Остальные привезут, если дядя успел получить письмо. Мама велела сначала про цену спросить.

Леда назвала две медные монеты. Девочка кивнула и забрала мешок. У двери она остановилась. Я видела, что она ждёт, заговорит ли кто-нибудь ещё. Взрослые, к которым её прислали за ценой, имели право её назвать. Что делать, когда денег нет, ей дома не объяснили.

Нера подошла к ней и попросила показать, как мешок складывается. Девочка положила его на край стола, согнула сперва вдоль, затем поперёк. Посередине образовалось утолщение из четырёх слоёв. Нера просунула между ними два пальца.

— Вот здесь понесёшь. Низ пусть свисает. Пока сухой, до дома дотащишь и так.

— Он мне домой пустой и не нужен.

Нера перестала складывать. Подняла глаза на Леду.

— Я могу его взять.

— Можешь. Если к обеду принесёшь салфетки. И если у тебя своя нитка.

Девочка расстегнула тулуп и поискала что-то в нагрудном кармане. Леда отвернулась к печи. Нера велела деньги оставить себе, а вместо платы попозже принести обычную бечёвку, такую, чтобы за неё не пришлось идти на другой берег. Девочка долго расспрашивала, как отличить обычную. Нера

показала на обрезок у ящика, дала потрогать толстый конец.

Когда девочка ушла, Леда повернулась.

— Хорошо придумала. Теперь твой мастер спросит, где нитка.

— Возьму из отпущенного на другую работу.

— Напишут в долг.

Нера развела края мешковины и нашла между ними старую целую петлю.

— Тогда из старого шва.

Леда посмотрела, как она поддевает петлю тупым концом иглы. Взяла из ящика собственную катушку и бросила на стол. Нера не поймала, хотя обычно ловила всё. Катушка ударилась о доску и покатилась. Я придержала её пальцем у края.

— Отдадите за день или за работу? — спросила я Леду.

— За вечер я беру за работу. Ученичество оплачивает тот, кто привёл. А если мне не хватит рук, я опять пойду к тому, кто привёл, хоть знаю, что дешевле мне самой взять ученицу.

— Почему не возьмёте?

Леда отложила два сухих передника отдельно.

— Потому что в прошлом году уже взяла. У неё зимой отец умер, она перестала приходить. Работодатель стал требовать возврата за верхнюю комнату. Пока считали, сколько она там проспала, у меня она больше ни разу не появилась. А я всё ждала, что вернутся оба и хотя бы попросят выдать её вещи.

Разговор окончился тем, что Леда взяла ножницы и сама срезала с мешка кривой край. Нера осталась пришивать. Я подвинула к себе книгу и, прежде чем открыть её, спросила у Леды, откуда она обычно берёт лишнюю ткань для работы, которой нет в заказе.

— Смотрю, что у нас перестали забирать, — сказала она. — Сначала проверяю, не придут ли ещё. Потом пускаю в дело.

Я открыла книгу на нужном месяце. В строке о выдаче одеял стояло: девять. Через два дня вернули восемь. В накладной перевозчика значились три ящика оборудования, сопровождающих — двое.

— У вас каждый возчик спит под четырьмя одеялами?

Леда, вернувшаяся с тазом, посмотрела через моё плечо.

— Наш — под пятью, если дать. Но девять не для него. Там ещё люди были.

Я придержала страницу.

— Сколько?

— Не помню. Больные. Одному принесли еду вниз, он не поднимался. Спрашивайте провиантскую.

— Вы имена записывали?

— Я выдаю одеяла.

Она сказала это с досадой, но осталась рядом. Я переписала только дату и количество. Леда следила за пером.

— Если из-за пропавшего начнут вычитать, я вас не пущу больше.

— Мне нужны люди, а не одеяло.

— Люди его и унесли.

У порога что-то упало. Тим поднял металлическую скобу и спрятал за спину. Леда устало вытянула руку.

— Это было сломано, — сообщил он.

— Теперь точно.

Нера встала. Я заметила, что на приказ Леды она откликнулась не сразу: сначала посмотрела, куда вышел мальчик. Ей было шестнадцать или около того; в движениях взрослое терпение соседствовало с привычкой держать локти близко к телу, занимая как можно меньше места.

Я попросила показать, где хранили вещи перевозимых. Леда отправила со мной Тима.

Он провёл меня по галерее над двором. Через низкие окна был виден склон к реке. У самой воды темнела пристань, к которой спускали мешки с бельём. Верхний подъёмник стоял без верёвки; возчик ругался, рабочие тащили груз руками.

— Отсюда в город ходят? — спросила я.

— Когда выпустят. А снизу прачки. Там теплее, только пахнет.

Он говорил охотно, пока мы не подошли к запертой двери. Потом голос стал осторожнее.

— Это не наша кладовая.

На косяке сохранилась свежая царапина от переносимого ящика. Я отметила её для себя, но трогать замок не стала.

— А чья?

— Кто снимет. Иара договаривается.

— Ваша хозяйка?

Тим задумался.

— Она знает, куда ехать.

Ответ был странным только для взрослого. Ребёнку этого вполне хватало, чтобы определить чужую власть.

Под галереей трое возчиков пытались сдвинуть ручную тележку. У неё закусило колесо. Пока двое тянули, третий ругался на Тимову мастерскую: вчера оттуда прислали новую чеку, теперь колесо стоит мёртво. Тим бросил взгляд на меня и полез вниз по ступеням.

— Эй, а ты куда? — крикнули ему.

— С этой стороны поднимите. Чеку погнуло, я вижу.

Его сперва отогнали. Он остался в двух шагах и точно сказал, куда смотреть. Возчик выругался ещё раз, пригнулся, потом велел ему принести обрезок дерева. Тим принёс, подставил куда сказали, и колесо освободилось. За это ему дали постоять рядом, пока проверяли ось. Я видела его лицо сверху. Он не улыбался, но не мог перестать шевелить губами: раз за разом, сам для себя, перечислял всё, что сделал.

На галерею поднялась невысокая женщина в тёмно-красном капоре. Тим узнал её и внизу сразу отошёл от тележки.

— На работу не опоздал? — спросила землячка.

— Леда меня послала с госпожой.

— Тогда не заставляй госпожу ждать.

Я сказала, что мы не спешим. Женщина кивнула, дождалась, пока Тим поднимется и встанет рядом, и представилась Иарой. У неё из рукава торчала тонкая нить; заметив, что я смотрю, она подоткнула её большим пальцем.

— Леда часто через вас нанимает?

— Когда у неё рук не хватает. А рук у неё не хватает даже на жалобу о том, как их не хватает.

— У вас ученики?

— У меня знакомые. Они учат, я нахожу работу.

Она повернулась к Тиму:

— Если взялся помочь, доведи до конца. Госпоже ещё в провиантскую.

Мы пошли дальше. Тим не спросил, откуда она узнала, куда нам надо. Я спросила бы, если бы увидела её в следующий раз. Но Иара сошла вниз и прежде, чем хлопнула дверь, уже заговорила с возчиками о починенной тележке.

В провиантской нашлась вторая книга. В нужный день выдали шесть дополнительных ужинов. Под записью о завтраке карандашом стояли инициалы: «А. Л. — без лестниц».

— Кто так помечает? — спросила я.

Подросток за стойкой перестал счищать с весов муку. Я ожидала, что он позовёт заведующего, но он взял книгу, развернул к себе и ткнул пальцем точно в эту строку.

— Я. Если повар отправляет наверх, а человек внизу, потом обе миски остывают.

— Помнишь этого человека?

Он пожевал губу. От Тимовых рукавов натекла на стол вода, и мальчик машинально смахнул её на пол.

— Он спросил, нельзя ли сидеть под часами, — сказал подросток. — Помню, потому что они стояли, а он услышал. В смысле, услышал, что не идут. Я думал, такие вещи только видно.

Он произнёс это с удовольствием. Тим вскинул голову. Ещё во дворе он добивался, чтобы взрослые заметили погнутую чеку. Теперь ему был нужен кто-нибудь, перед кем можно похвастаться этим открытием. Но я уже просила показать выдачу за следующий день.

Строки шли до конца страницы. Завтрак на одного выдали ещё раз, за два часа до отправления торгового обоза. Я взяла свой перечень и приложила его к корешку. В отправных отметках груз тронулся предыдущим вечером. Обе записи могли оказаться правдой, если утром кормили кого-то другого.

— Кто забрал последнюю миску?

— Я унёс. Распоряжение было, что сами за ней не придут.

— Кто распорядился?

Он поймал весовую чашку, которую раскачивал пальцем.

— Та, что принимала больных. Из лечебного дома. Она дверь придержала, когда я вынес миску. Спросите её, если надо знать имя. Я в книге ставлю только первые буквы.

— Отведёшь меня?

Он посмотрел на весы. В дверях уже ждал человек с дву-

мя пустыми мешками. Первый положил на прилавок, второй держал при себе, точно опасался, что придётся платить и за него.

— До закрытия не могу. И тогда не могу. Мне потом туда хлеб нести, а если у нас узнают, что я чужие имена вам назвал, заберут из провиантской.

Я достала лист для своих заметок. Он отступил, едва увидел перо.

— Про имя я ничего не сказал.

— Я записываю время выдачи. За именем пойду к Леде.

Он остался стоять у весов. Я дала ему прочесть строку, прежде чем промокнуть чернила. Он разбирал медленно, шевеля губами так же, как Тим во дворе. Потом перевёл дыхание и подвинул обратно книгу.

— Утренний хлеб тоже покажите, — сказал он. — Там стоит, что за ним никто не явился. Начальник велел следующий выпускать только по требованию. А я для больного всё равно отложил.

Я переписала обе отметки. У меня появилось время последнего посещения и человек, который мог объяснить, почему оно состоялось уже после отправки обоза.

Я достала перечень. Арен Лест числился переведённым в северное отделение за неделю до остановки обоза здесь. Подтверждения прибытия не было.

Тим наклонился посмотреть, но читать вверх ногами, кажется, не умел.

— Вы кого ищете?

— Человека, который давно не писал домой.

— Может, не хочет.

— Может. Я сначала спрошу.

У двери провиантской Тим заметил кусок хлеба, завёрнутый в серую ткань. Подросток за весами увидел, куда он смотрит, и сказал, что это с полудня оставили для возчика. Тим взял было свёрток, потом положил обратно и спросил, какого возчика ждут. Выяснилось, что тот уже сменился, а хлеб держат у двери, потому что его некуда записать.

— Можно я отнесу его Нере? — спросил Тим.

— А ты сам поел?

— Я потом.

Подросток бросил на прилавок два куска. Один заметно меньше другого. Тим сложил их краями, примерил и поменял местами.

— Если она спросит, я скажу, что себе взял большой.

Он спрятал хлеб за пазуху. Потом огляделся и спросил, а нам не надо отыскать того, кто оставил его для возчика. Мы уже шли, и я чуть не сказала, что нет. Но вернулась к весам. Подросток показал мне кривую засечку у миски. Её ставил человек, который получал хлеб на руки, а когда оставлял его здесь, засечку обводили. С помощью этой отметки оказалось легко найти в книге и тёплый хлеб, оставленный для Арена. Возчик за него не расписался. Подросток мог сказать, кто отнёс ему завтрак, потому что сам носил. Про хлеб во дворе

он знал только, что сначала оставил его у двери.

По пути обратно я сказала об этом Тиму. Он перестал идти впереди и спросил, значит ли это, что хлеб теперь надо отдать. Я сказала, что нет, если ему отдали его с разрешения. Он подумал и покосился на свёрток у себя под курткой.

— Тогда попрошу Неру сказать, что ей дали. А то она всегда говорит, что нашла.

Он явно не понял, зачем искать так далеко, чтобы потом позволить отказаться. Когда мы вернулись, Нера уже ждала его у двери. На стуле лежал починенный рукав. Пуговица была пришита чёрной ниткой к серой ткани, крепко и некрасиво.

Леда назвала мне адрес лечебного дома на нижней улице. Потом, словно передумав, добавила:

— Только там сегодня уже спрашивали. Из фонда. Хотят человека переводить.

Я закрыла книгу и попросила разрешения вернуться утром.

Теперь у меня было имя. И, возможно, слишком мало времени.

Я дошла до лестницы, когда снизу вернулась девочка за мешком. В руках она держала бечёвку, намотанную на кусок дощечки. Леда вышла к ней сама. Мешок ещё сох, и девочка согласилась оставить его до утра. Плату положила на скамью, как обещала. Потом увидела у меня перечень и спросила, кому отдают такие листы, если ищут человека.

— Тем, кто может сказать, где он. А ты кого ищешь?

— Никого. Маму спрашивали, не хочет ли она оставить имя у верхних ворот. Она не поняла, зачем, и не сказала. Потом назвала мне, чтобы я запомнила.

Она повторила полное имя матери и фамилию человека со склада, который должен был ответить на письмо. Я попросила её больше никому не повторять сразу оба имени. Девочка спросила, а как тогда узнают, что она пришла за своим. Леда вытерла руки, взяла бечёвку и попросила девочку выбрать, где оставить мешок. Та показала на скамью у входа, где отец, наверное, велел бы поставить вещь, чтобы сразу увидеть. Леда принесла мешок с полки и положила туда. Сказала, что завтра его отдаст тому, кто сможет назвать цвет стежка.

Девочка наклонилась, осмотрела ткань. Стежки шли тёмные до самого края, а два у горловины были светлее. Она спросила, какие запомнить. Леда сказала запомнить те, что сама заметила. Девочка кивнула и ушла, дважды оглянувшись у двери.

У лестницы я открыла свой лист. Мне оставалось отнести к дежурному номер обоза, примерный срок и имя Арена. Я думала о том, как легко девочка назвала сразу двоих, лишь бы ей поверили. Переписала на отдельную страницу номер и время. Имя оставила в своей книге. Если Ратт откажет мне во второй выписке из-за этого, я смогу просить приёма ещё раз. Арену не придётся ждать у двери только потому, что я сама рассказала о нём первым встречным.

Глава 3
Право на голос

Олвейн узнал меня раньше, чем я успел решить, кивать ли ему.

— Корин. Надеюсь, дорога не оказалась тяжёлой.

Он стоял у жаровни, держа левую руку над теплом. Перчатка была та же или очень похожая: тёмная, с обрезанными пальцами. Белые линии на коже исчезли, когда он опустил ладонь.

— Для некоторых она ещё не закончилась. У переправы ждут люди.

— Знаю. Мой управляющий уже просил разрешить подвоз дров.

Ответ меня разозлил. Ещё сильнее — то, что я не знал, правда ли это. Ратт, проходя мимо, подтвердил:

— Разрешили. Провезут, как выставим людей.

Олвейн не посмотрел на меня торжествующе. Разговор просто перестал его интересовать.

Ильс появился без объявления, с мокрыми волосами и пустой перевязью, которую велели оставить в комнате. Он жаловался секретарю, что в крепости невозможно отличить коридор от лестницы.

— Здесь всё ведёт вверх, — сказал Ратт.

— Отличное устройство для переговоров. Обратно никто не захочет.

Дорс принял у него папку и разложил листы по местам. Когда один из писарей перепутал перечни, секретарь молча заменил их. Ильс не заметил. Или привык.

Меня посадили у стены. Элиана могла сидеть за рабочим столом как архивистка; Рута — рядом с переданными документами. Мой стул стоял позади. Я довольно долго пытался поставить его так, чтобы колено не задевало ножку чужого.

Сначала прочли условия безопасности. За креслом председателя висело белое знамя перемирия; у нижнего края ткань пожелтела от старого дыма. Охранные грамоты защищали участников на время переговоров, но не освобождали от проверки прежних действий. Право на задержание в крепости оставалось у ровенских властей. Ратт отдельно назвал людей, к которым следовало обращаться.

Моего имени среди них не было.

Олвейн говорил третьим. Не о тайных угрозах и не о величии магии — о запасах, дорогах, людях, ожидающих восстановления.

— В восточном лечебном доме двое не могут ждать до следующего заседания. Первая часть запаса уже доставлена. Для второго пациента потребуется ещё четыре средних камня. Я предлагаю порядок, при котором такие решения принимаются до того, как человек останется без веера.

— Кто их принимает? — спросил Ильс.

— Врач и распорядитель фонда.

— А сам человек?

— Разумеется, даёт согласие.

Элиана перестала писать. Я видел только её профиль и неподвижное перо.

Олвейн продолжил: расходы нужно обеспечивать, обещанные обязательства должны сохранять силу, нельзя спасать мага сегодня и завтра лишать лечебницу права на его помощь. Слова звучали разумно, пока я не представил человека, которому снова велят колдовать, чтобы оплатить уже потраченное будущее.

— Может он уйти? — спросила Элиана.

Председатель хотел напомнить порядок выступлений, но Ильс поднял ладонь.

— Полезный вопрос.

Олвейн посмотрел на неё внимательно.

— После урегулирования обязательств.

— Кто определяет, когда они урегулированы?

— Для этого мы и собрались.

Советница Дарена Кест, до этого рисовавшая в своих записях одну и ту же неровную скобку, попросила у Олвейна представить условия выдачи на бумаге. Он велел передать ей три листа. Кест посмотрела сначала на последний.

— Подпись пациента где?

— На экземпляре лечебницы. Это порядок расчёта между учреждениями.

— Здесь сказано, что обязательства переходят вместе с человеком. Если я подпишу этот порядок, нашему дозору придётся возвращать людей по вашему требованию. Хотелось бы увидеть, с чем они соглашались.

Кто-то из вальденских представителей попросил не приравнивать помощь к задержанию. Он говорил быстро, всё посматривал на Руту, словно надеялся, что она поправит его мягче, чем ровенцы. Рута ничего не сказала. Перед ней лежала опись с той самой тесьмой, которую чуть не разрезал писарь.

Олвейн попросил привести женщину, ожидавшую в соседней комнате. Она вошла в пальто, застёгнутом не на те пуговицы. Одной руки у неё не было выше кисти. Садиться она отказалась, назвалась Миреной и сказала, что работает при обозе лекарем.

— Вы сами обратились к фонду? — спросил Олвейн.

— Сама. В казённой палате велели ждать четверых подписей. Я дождалась двух. Он, — она показала на Олвейна, — прислал лекарку и три камня. Потом прислал ещё. У меня мальчишка в обозе был, сын хозяйки. Он сейчас ходит, хоть и прихрамывает. До этого две зимы не ходил. Я его лечила, когда уже почти ничего не оставалось.

Олвейн слегка наклонил голову. Я ожидал, что он станет объяснять, как спас её. Вместо этого он спросил:

— Вы готовы снова взять обоз?

Мирена помедлила. В зале стало слышно потрескивание

жаровни.

— Когда рукав подгонят, — ответила она наконец.

Один из писарей засмеялся, решив, что это шутка. Мирена не засмеялась. Я не понял, потеряла ли она руку при том обозе, и не увидел никого, кто решился бы спросить. Кест освободила для неё стул рядом с собой. Мирена сняла пальто, тщательно сложила его на спинке и села так, чтобы пустой рукав оказался обращён к стене.

— Вот что происходит, пока ваши палаты спорят, — сказал Олвейн. — Люди соглашаются на работу, потому что считают её нужной. Без гарантии возврата фонд не сможет держать запас для всех.

— Даже если Мирена сейчас вполне свободно согласилась, — сказала Кест, — я всё ещё хочу видеть бумагу человека, который отказался.

Перо Дорса перестало скрипеть. Он подождал, запишет ли кто-нибудь ещё вопрос, потом всё-таки наклонился к листу.

Председатель предложил перейти к следующим расходам. Ильс попросил минуту. Он снял со своей папки кожаный грузик, которым придерживал от ветра бумаги, и укрыл им лист Кест.

— В нижнем дворе семь повозок. Утром там было пять. К завтрашнему вечеру ещё две подъедут, если возчики не захотят остаться ночью на дороге. Предлагаю до конца заседания решить, кого мы туда посылаем.

Олвейн сказал, что его люди могут раздать топливо. Кест

спросила, можно ли тем же людям передать просьбы о выезде. Председатель ответил, что это разные поручения. На этот раз я был бы рад, если бы разговор на этом закончился. Дрова хотя бы привезут.

Из заднего ряда поднялся управляющий Олвейна. Пояснил, что для выдачи нужен список. Под каждым именем обозначат, сколько выдали и кто принял. Ильс спросил, что получит человек, у которого бумагу с именем забрали на пропускном посту. Управляющий сказал, что сам господин советник только что предложил послать людей на пост. Эти люди и разберутся.

Мирена подалась вперёд. Я увидел, как она сначала ищет на столе опору, только потом решается говорить.

— Я могу выдать, — сказала она. — Если будете ждать, пока придёт список, они растащат поленницу сами. Нам отдельно заносили семьи, у кого кто-то есть в низу, отдельно тех, кто просто ждёт. У тех, кто просто ждёт, дрова кончились вчера.

— Вы уже были на переправе? — спросил Ильс.

— Ночевала там, пока господин Олвейн не прислал человека.

Олвейн отодвинул лист и повернулся к ней. Она смотрела на Ильса.

— Сколько вам нужно рук? — спросил он.

— Две мои хватили бы, если бы были. Подниматься за поленьями будет кто-то другой. Я сяду у навеса и запишу,

сколько раздала.

Олвейн забрал предложение первым. У него нашлись и возчик, и человек для выдачи. Всё, что оставалось решить председателю, — отправить ли с ними своего писаря. Кест предложила прислать двух, по одному от берега. Ильс покачал головой.

— Пошлите одного от крепости. Нам надо узнать, кому холодно. Счёт можно сверить утром. Пока пусть не спрашивают, кому люди на том берегу должны.

Председатель попросил Ратта назвать человека. Ратт вызвал караульного, который прежде относил письмо за муку. Тот вошёл, держа шапку за край, и спросил, успеет ли вернуться до своей смены. Ратт назвал час. Караульный надел шапку и повёл управляющего вниз. Мирена попыталась взять своё пальто сама, но Кест уже встала и подала его ей раскрытым.

В зале стало заметно теплее. Печь, как выяснилось, всё это время топили. Просто два окна над входом не были закрыты до конца. Как только Мирена ушла, Дорс поднялся, прижал обе створки и сел на место. Председатель перешёл к следующей статье расходов.

Я записал, кто поехал вниз, и вдруг заметил, что на моей странице с самого начала было имя только одного человека. Про Мирену я записал «рука», про управляющего «список», про караульного «мука». Полностью я выписал лишь фамилию Олвейна. Этим листом потом пришлось бы вос-

пользоваться мне самому. Я дописал имена там, где сумел их вспомнить, а возле караульного оставил место и поставил маленький знак, чтобы спросить у Руты, когда кончится заседание.

Секретарь Ильса записал ответ. Я заметил, что Дорс не сокращал сказанное, а переносил почти слово в слово. Хороший секретарь. Такие люди нередко знают о правителях больше родных.

Когда председатель объявил перерыв, Дорс остался за столом. Он отделил лист с выступлениями от своих записей и попросил писаря сделать три выписки. Одну для совета, одну для Ратта, третью для людей фонда. Я услышал, как он объясняет: если представить управляющему всё вместе, тот успеет к вечеру проверить, кто из упомянутых жильцов действительно поступал к ним.

Элиана спросила, кто разрешил третью выписку. Дорс остановился только после того, как писарь убрал руку с листа.

— Пока никто. Я предлагаю заняться сверкой сегодня. У людей фонда есть книги, которые нам пришлось бы запрашивать до следующего заседания.

Председатель, уже поднявшийся с места, сел обратно. Кто-то из совета сказал, что нет смысла держать открытые имена от тех, кто и так каждый день их записывает. Элиана попросила его показать, где именно эти имена открыты. Он выбрал лист, лежавший возле её локтя. Сверху стояло «рас-

торжение обязательств». Ниже не было ни одного имени. В конце писарь оставил место для первого человека, который захочет обратиться.

— Это образец, — сказала Элиана. — Как только мы его заполним, выяснится, о ком надо спрашивать. Сначала узнаем, у кого.

Дорс встал, чтобы видеть лист с её стороны. Он не спорил о том, доступна ли запись. Предложил проверить хотя бы тех, кто уже числится принятым. Элиана согласилась спросить именно о приёмных отметках и дала ему три номера. В одном случае она оставила при номере название лечебницы, в остальных только даты. Дорс спросил, как человеку фонда отличить госпиталь от двора, если названия нет.

— Пусть ответит, какие места подходят по его книгам. Сравним с нашими.

Он посмотрел на Ильса. Тот сидел у стены, отодвинув стул так далеко, что рядом можно было стоять. Дорс спросил его, разве они не договорились послать запрос ответственным лицам. Ильс ответил, что запрос о приёме отправят. Заявление об освобождении сначала увидит человек, который его подаёт, затем двое дежурных. Для фонда выписка будет без заявления. Дорс попросил внести это в протокол. Ильс указал на его собственное перо.

Я увидел, как он смутился. Через секунду догадался почему: голоса за столом уже начали затихать и теперь все смотрели, успевает ли секретарь записать решение, которое сам

предложил вынести.

Олвейн вернулся, когда писарь переносил три номера. Попросил посмотреть обращение к фонду. Прочёл и без возражений назвал двух людей, которые могут ответить. На фамилии второго задержался, потом попросил прислать выписку обоим: первый распоряжается приёмом, второй знает, кто действительно остался ночевать. Элиана внесла оба имени. Тут Олвейн спросил, обещали ли уже кому-нибудь выпустить человека без согласия фонда. Она повернула к нему пустой лист заявлений.

— Пока никто ещё не приходил просить, — сказала она.

Олвейн посмотрел на первую свободную строчку, затем на дверь, которую председатель велел открыть на время перерыва. По коридору шёл караульный с пустой сумкой для писем. Когда он прошёл, Олвейн предложил оставить у входа своего служителя, чтобы направлял пациентов в нужные комнаты. Ильс сказал, что пока хватит указателя на лестнице. Тогда Олвейн попросил Дорса отнести выписку до следующего колокола и ушёл. Дорс повернул к себе лист и разом прочёл все три номера. Переписывать не стал. Он запомнил их лучше меня.

На перерыве Ильс подошёл ко мне сам.

— Вы менее грозный, чем в письме.

— Я его переписывал.

— Заметно. Все три перевода я нашёл в книгах. Один из этих людей, по моим сведениям, жив и недалеко отсюда. Ку-

да он пойдёт после разговора с вами?

— Мы уже ищем безопасное место.

Он посмотрел на Элиану, разговаривавшую с Рутой.

— Тогда сначала поговорите с ней. А завтра после ужина — со мной. Не здесь. Дорс найдёт комнату без пяти дверей.

Секретарь, возникший рядом с чашками, наклонил голову.

— В малой библиотеке, господин советник. После девятого колокола.

— Вот видите, — сказал Ильс. — Иногда он управляет крепостью лучше коменданта.

Дорс улыбнулся, но не ответил.

Я хотел спросить про два имени сразу при нём, но Ильс уже повёл меня к окну. За стеклом осыпался снег с навеса. Секретарь оставил между нами и залом достаточно места, чтобы можно было говорить негромко.

— Две фамилии в перечне, — сказал я. — У нас их держали в закрытом приложении.

— И у нас тоже. Я сверял три записи, пока ещё не знал, что они есть у вас. Две фамилии у меня есть. Одну прислала семья, другую госпиталь при пограничной дороге. По третьему переводу пока только номер и отметка об отъезде. Кто составил список рассылки, узнаем.

— А теперь оба имени в бланке, который лежал у принимающего писаря. Кто ещё успел его прочесть?

Ильс потёр бровь.

— Вы полагаете, я подставил собственных свидетелей?

— Я не знаю, кто их подставил.

Ответ ему не понравился. Он пошёл было обратно к столу, остановился и подозвал Дорса. Попросил заказать две копии исходного запроса: одну Руте, вторую ему лично. Потом дождался, пока Дорс отойдёт.

— Если печати у вас в порядке, Корин, почему люди исчезли?

Я не знал, что он думает о нас и что успел прочесть о моём взыскании. Готовый ответ — потому что печати тоже подделывают — показался мне слишком удобным.

— Пока мы проверяли печати, их родные спрашивали не там. И мы не знали, что спросили.

Ильс посмотрел в сторону Мирены. Она слушала Кест, вцепившись в край кресла оставшейся рукой.

— Тогда начнём с вопросов родных, — сказал он.

Он достал из кармана сложенную записку и протянул мне, удерживая двумя пальцами. На верхней половине шли вопросы, на нижней было оставлено место для ответов. Первый вопрос занимал одну строку: кто может принять человека, если тот сам укажет прежнее место удержания. Возле слова «кто» были зачёркнуты две фамилии.

— Обе отказались? — спросил я.

— Один готов ответить за человека, если того привезут на его сторону реки. Другой отвечает за место, но просит уведомить фонд, чтобы получить медицинские сведения. Пер-

вый пока даже не знает, может ли свидетель выйти из комнаты без сопровождающего.

Я прочёл остальные строки. Можно ли остаться в новом месте, если показания не понадобятся. Кто известит семью. Что случится с платой за жильё через месяц. Последний вопрос был вписан другими чернилами, вплотную к сгибу.

— Он написал это?

— За него передали. Вы ведь понимаете, что иногда люди сначала проверяют, кто готов ответить, и только потом решают, готовы ли говорить сами.

У моего письма к Ильсу было два листа. На первом я изложил всё, что знал, на втором просил назвать того, кто может подтвердить переводы. У меня получилось коротко. Теперь я смотрел на строку про жильё и пытался вспомнить хоть одного человека, чьим именем мог бы её заполнить.

— Я могу принять показания и ходатайствовать о защите, — сказал я.

— В Вальдене?

— Да.

— А сначала его придётся довезти туда.

К нам подошла Кест. Ильс показал ей записку, закрыв верхний край пальцем. Она прочла вопросы и забрала лежавший на подоконнике карандаш.

— Зимой у лечебного дома при старом храме обычно пустуют две койки, — сказала она. — Спросить можно. Сколько приставов работает у вашего следствия на этой стороне?

— Нисколько, — ответил я.

— У моего совета тоже. Если комендант согласится дать человека до первого допроса, получатся сутки. На вторые придётся снова к нему идти.

Кест перевернула записку и вывела на обороте название дома. Потом провела пустую черту рядом, оставив место для имени управляющей.

— Вот столько у нас пока есть. Я сама проверю, когда там принимают. Если примут, врач решит, что ему нужно, а мы посчитаем, чем можем помочь.

— Можно сперва спросить самого больного, — сказал Ильс.

Кест положила карандаш прежде, чем ответить.

— Можно. Если спросить перед тем, как предоставить место, он будет говорить с людьми, от которых зависит, спать ли ему сегодня под крышей.

Они посмотрели друг на друга, и я вдруг услышал в тишине зала, как Мирена пытается застегнуть пальто. Пуговица выскальзывала у неё из пальцев. Слуга предложил подержать ткань. Она молча отодвинула его руку и через мгновение сама попросила помочь.

Ильс протянул Кест записку. Та дописала одно слово и отдала мне. Теперь рядом с названием дома стояло «спросить». Я сложил бумагу. От неё никого ещё нельзя было вывести за ворота, но теперь я знал, за что смогу попросить отвечать себя и с чем идти к Элиане.

У выхода Олвейн остановил Элиану. Я не слышал начала.

— ...медицинские сведения, — сказал он. — Мои сотрудники предоставят всё необходимое. Не стоит беспокоить больных через посторонних.

— Я не прошу их лечиться у меня, — ответила она.

— Вы просите доверять вам. Это тоже вмешательство.

Она убрала перо в футляр.

— Я позволю им отказаться.

Олвейн посмотрел на меня, затем снова на неё.

— Надеюсь, вы сможете позволить им и помощь, когда она понадобится.

Мы вышли вместе. На лестнице Элиана взяла меня под локоть. Я сначала решил, что ей трудно идти. Потом она сказала:

— Не оборачивайся.

И я понял, что руку она протянула мне.

Глава 4
Места за столом

Утром в моей комнате переставили умывальник. Вода больше не замерзала, зато дверь не открывалась до конца. Горничная показала, как проходить боком, и сочла вопрос решённым.

Я спустилась к Леде прежде, чем начались заседания. Она уже спорила с поваром о скатертях. Повар хотел четыре одинаковые; Леда предлагала привести одинаковые столы.

Когда он ушёл, она поставила передо мной кружку.

— Книги потом. Пока горячее.

Я послушалась. После дороги тело отзывалось на каждую лестницу, и мне надоело делать вид, что это незаметно.

За стеной гремели дрова. С утра часть запаса отнесли к переправе, и теперь мастерская ждала, когда привезут следующую вязанку. Леда велела сушить у печи только салфетки для зала. Остальное бельё лежало холодными, тяжёлыми стопками. На подоконнике я узнала мешок девочки. Кривой край был подвернут и прошит трижды, нитка в одном месте меняла цвет. Кто-то подложил под него ложку, чтобы дерево под мешком не мокло.

— Не забрала ещё? — спросила я.

— Прибегала. Сказала, что дядя договорился оставить

муку у себя. Мешок пока тут, а она собирает бечёвку. Так и не поняла, отчего ей не разрешили привести за ним мать.

Леда сняла с верёвки влажную тряпку, выжала и снова повесила.

— Мать могла бы прийти, — сказала я. — Была бы бумага от хозяина склада.

— Хозяин склада скажет, что бумага нужна от возчика. А девочка ходит за мешком, у которого был распорот бок. Тут ясно, что ей нужно, и даже понятно, когда отдавать.

Нера подняла со стола ножницы. Попросила позволения оставить мешок у наружной двери, где девочка сможет сама его найти. Леда показала на самый верхний крюк. Нера попробовала дотянуться и вернула мешок на стол.

— Она ниже меня. Придёт — будет прыгать. Тогда уж с вешалкой заберёт.

Леда велела положить на скамью. Когда Нера пошла к двери, я спросила, не возьмётся ли она показать, где повозки тех, кому позволено ездить между дворами. Она ответила, что повозки стоят у нижнего навеса, но место мы, наверное, всё равно не найдём. Оно в ведомости у одного дежурного, а ключи от ворот у другого. Позднее, когда управляющий лечебным домом обещал дать нам расписание перевода, я вспомнила, кто мог провести меня к нему, и кто действительно мог открыть ворота.

На столе лежали списки рассадки. Рядом Нера складывала салфетки. Чашки передавали через маленькую комнату у

галереи: там их расставляли на подносах, затем служитель нёс в зал. На верхней полке стояла жестяная коробка с надписью аптекаря.

— Это не трогать, — предупредила Леда Тима.

— Я полотенца беру.

— Значит, бери полотенца.

Позднее вошёл Дорс. Проверил, где посадят Ильса, и вынул из внутреннего кармана маленький футляр.

— На вечер нужно отделить обычную порцию. Сам господин советник забывает.

Он показал Леде бумажный пакетик. Та позвала старшего служителя, велела принять и записать. Дорс выждал, пока это сделали. Я подумала, что Ильсу, вероятно, очень удобно жить рядом с человеком, помнящим всё за него.

Нера несла салфетки к соседнему столу. Секретарь подвинулся, пропуская её, и снова заговорил о рассадке.

Когда он вышел, к Леде подошла Сана. На этот раз она уже собрала узелок. Леда глянула на узелок, потом на часы над дверью.

— Всё ещё кашляет?

— К завтраку уснул. Соседка сидит, пока я здесь.

— Ступай. Огрызок свечи возьми, дома пригодится.

Сана кивнула, но задержалась у подносов. Показала Нере, какие салфетки пойдут на стол с приборами, а какие надо оставить сухими для служителей. Нера выслушала, потом взяла у неё узелок и подержала, пока та завязывала чепец.

Сана ушла, уже на ходу ощупывая карман, куда убрала свечу.

Леда выдвинула ящик стола. Внутри лежала тетрадь со сменами. Прежде чем она успела взять перо, из зала позвали пересчитать приборы. Я подвинула тетрадь к краю, чтобы ей было проще найти.

— Хотите, запишу?

— После обеда, — сказала Леда. — Меня ещё попросят объяснить, почему лишняя пара рук числится у нас, если мы её не оплачиваем. Я сначала с поваром договорюсь.

Я закрыла ящик. Нера разложила салфетки в две стопки, как ей показали. Тим стоял в дверях и крутил обрезок бечёвки. Он спросил, можно ли вечером быть в зале. Леда ответила, что можно, если человек из кухни успеет объяснить работу. Тим взглянул на Неру. Та слегка пожала плечом. Он опустил глаза, словно этот жест означал что-то вполне определённое.

За перегородкой уже стучали переставляемые стулья. Я нашла свою кружку, но чай успел остыть. Леда вернулась, заметила, что я всё ещё стою у ящика, и сгребла ладонью крошки со стола.

— Вчера вы спросили про больных, — сказала она. — Я иногда отдавала одеяла прямо с печи. Те люди не оставались до утра. В книги попадало, что выдали бельё под дорожный груз. Если бы я писала «людям», с меня спросили бы, на каком основании.

— Как вы узнавали, сколько им нужно?

— Спрашивала. У кого повязки, кому под ноги, кто всё равно проспит в сапогах. Однажды сказала служителю, что женщина с дальней лавки сама принесёт одеяло. Он сказал, что ей выходить нельзя. Через час я увидела её в одной рубахе у ступеней. Значит, выйти она всё-таки могла. Не хватало одежды.

Леда поставила мою кружку у печи. Нера больше не складывала салфетки. Остановилась ли она из-за разговора или уже закончила работу, я не поняла.

— Если сегодня найдёте того, кого искали, — сказала Леда, — спросите, есть ли у него в чём идти.

У меня сразу нашёлся ответ про сопровождающих, маршрут и разрешение. Ни один из них не предполагал сапог. Я кивнула. Леда вынула кружку с тёплого выступа и сунула мне в руки.

— Теперь допивайте. За этой я второй раз не прослежу.

В лечебном доме нас с Рутой приняли после полудня. Я ожидала замков, но увидела чистый коридор и двух женщин, споривших о стирке. Арен лежал у окна. На стуле висела вычищенная куртка, под кроватью стояли башмаки с новыми подмётками.

Он не спросил, кто мы. Прочёл письмо, которое я показала, и отвернулся.

— Родные знают, что я жив.

— Они знают, где вы?

— Вы им написали?

— Пока только отправила запрос через канцелярию. Без вашего адреса.

— И дальше не пишите.

На подоконнике лежала полоска бумаги, по которой он, должно быть, мерил ширину окна. Я узнала такой сгиб: переплётчики складывают бумагу ногтем один раз, потом сверяют с краем крышки. На одной стороне была проведена черта, на другой он попробовал вывести начальную букву имени. Не дописал.

В комнату заглянула женщина в светлом переднике. Спросила, не хочет ли он выйти к обеду. Арен кивнул. Она предложила подать башмаки и потянулась под кровать.

— Оставьте, — сказал он. — Я сам.

Она тотчас выпрямилась. Попросила позвать, если понадобится, и ушла, прикрыв дверь. Когда её шаги стихли, Арен наклонился. Ему не хватило совсем немного. Рута двинулась было с места; я покачала головой. Арен достал один башмак за шнур, подтянул второй по полу и сел, дыша через рот. Мы подождали, пока он отдышится и сам попросит:

— Подайте стул. Не башмак. Стул ближе.

Я подвинула стул. Он дотянулся до куртки, перебросил её на колени и стал проверять карманы, точно видел в этом занятии право закончить разговор тогда, когда захочет.

— Сестра вас ищет, — сказала я. — Это было в запросе. Мы не сообщили ей, что нашли.

— Она будет искать до тех пор, пока кто-нибудь не отве-

тит, — сказал он. — И первый, кто ответит, получит деньги.

Он достал из кармана деревянный ключ для часов. Покрутил в пальцах и снова спрятал.

— Каких часов? — спросила я прежде, чем успела решить, уместно ли.

— Её. Напольных. Они идут, пока не сдвинешь шкаф. Она полагает, так и должно быть.

В первый раз он говорил о сестре так, словно встретит её раньше меня. Я хотела запомнить эту перемену и заметила, что уже отвела руку к сумке.

Рута осталась у двери. Я убрала письмо.

— Хорошо. Мы можем прийти ещё раз?

Арен посмотрел на мою руку, задержавшуюся на сумке.

— Вы целитель?

Я ощутила знакомое желание ответить уклончиво.

— Я здесь как архивистка.

— Значит, у вас нет камней.

Сказано было без презрения. Он просто определил, на что я способна.

Мы вышли. Управляющий лечебного дома принял нас в тесной комнате с большим столом. На столе лежала корзина с яйцами. Управляющий дождался, пока женщина в светлом переднике пересчитает их, и расписался на предъявленном обрывке бумаги. Она вытерла грифель о подол и ушла с корзиной. От двери слышно было, как она просит кого-то собрать скорлупу на растопку.

— Кухарке не платят два месяца, — сказал управляющий. — Она берёт яйцами с нашего двора. Пришлось принять шесть корзин в счёт содержания.

— А счета за пациентов вы кому предъявляете?

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Вы из тех, кто их оплачивает?

— Из тех, кто пытается их найти.

Рута положила перед ним разрешение на сверку переводов. Управляющий прочёл, потянулся к шкафу и вынул тетрадь в холщовой обложке. Её подшивали по мере заполнения. Последние листы держались на двух стежках и выдвигались из-под пальцев.

Он показал итог за месяц. Лекарства оплатил фонд, питание шло из сумм, переданных на содержание обоза. В строке для плательщика стояла канцелярия фонда. В строке для имён был номер.

— Мы сегодня говорили с Ареном, — сказала я. — Где он в вашей книге?

— Третий на этом листе. Лест записан в сопровождающие груза.

Рута сверила номер с нашим перечнем. Это был один из двух переводов, по которым Ильс знал фамилию. По другой фамилии нам пока не ответили, а по последнему номеру мы всё ещё не знали, кого искать.

— В таком случае ему положена плата?

Управляющий поправил очки.

— Он прибыл как больной. Нам платят за место, которое он занимает.

— Кому предъявят счёт за это место?

— Мы не предъявляем счета тем, кого принимаем.

— Кто предъявляет?

Он положил ладонь на тетрадь. Только теперь я увидела, с каким трудом он прижимал расшатанные листы, стараясь сохранить их в прежнем порядке.

— Полагаю, тот, кто оплатил. Сегодня его люди прислали извещение. Завтра могут перевести Леста. Я хотел удержать его до осмотра врача, но врач назначен через день, а место мне велели освободить к утру.

Он отыскал входящий лист. Рута спросила, кто подпишет выдачу. Управляющий указал на себя, потом перевернул бумагу, чтобы мы увидели отметку о приёме.

Оборот был пуст. Я вспомнила недовольство писаря, когда просила заверить старую копию с чистой стороны. Прибытие в северное отделение не подтвердили. Здесь теперь собирались оформить отъезд того же человека, чьё первое прибытие в новую книгу могло попасть под номером чужого обоза.

— На листе есть место назначения? — спросила я.

— В казённой копии будет.

— Тогда до отправления покажите её врачу. Пусть он подтвердит, что видел, куда именно отпускает пациента.

Управляющий открыл рот. В коридоре его позвали, и он

крикнул, что сейчас выйдет. Затем снова посмотрел на лист.

— Это задержит перевод?

— Задержит, если лист не покажут, — сказала Рута.

Тут он перестал спешить. Выдвинул из-под корзины чистый бланк, сверил номер нашего запроса и попросил меня самой продиктовать, что я хочу получить. На слове «оборот» он поднял перо.

— Там ведь пусто.

— Сейчас пусто. Это и удостоверим.

Он подумал, кивнул и впервые с начала разговора откинулся на спинку стула. Я подождала, пока он допишет, и попросила его указать того, кто сменит его ночью. Этого человека мы тоже должны были знать, если за Ареном приедут раньше.

Мы с Рутой спустились во двор. У крыльца стояла повозка с двумя скамейками и тентом, свёрнутым до середины дуг. Женщина в светлом переднике укладывала на одну из скамеек солому, разравнивая её ладонью. Из окна второго этажа за ней наблюдал Арен. Он ещё был в куртке. Я не сразу увидела, что окно приоткрыто и он может слышать нас.

— Повезёте кого-то сегодня? — спросила я.

— Велели приготовить. Если скажут ждать до утра, я найду сухое место для тента.

На другой скамье лежали две подушки, обёрнутые холстом. У каждой была своя бирка. На ближней значилось имя Арена, на дальней стоял только номер. Я спросила, кто будет

сидеть на дальней. Женщина отряхнула солому с рукавов.

— Там человек, которому утром дают пить из ложки. Положим его. Если дорога пойдёт под уклон, надо повернуть головой вперёд. Я приготовила подушки, а потом они, может, привезут другого. В прошлый раз я зря предупредила, что будет тесно. Скамейка осталась пустая.

Рута отступила к стене так, чтобы Арен видел её из окна.

— Кто узнаёт первым, если вам меняют пассажира?

— Возчик. Он приходит за бельём. Ему некогда объяснять, что уже выдали.

Из сарая вышел молодой мужчина с ремнём для упряжи. Он увидел Руту и направился к нам. Она спросила, получал ли он место назначения. Мужчина заправил конец ремня под локоть и назвал верхние ворота. Там ему должны были сказать, куда ехать дальше. Маршрутную плату он считал от ворот, а дорогу до них считал частью службы при лечебном доме.

— Вы знаете, кого повезёте?

Он посмотрел на бирку.

— Вот же написано.

Я подняла голову. В окне уже никого не было. Огня в комнате не зажгли, и в стекле отражались крыши с противоположной стороны двора. Через минуту за дверью крыльца скрипнуло дерево. Арен появился на площадке, одной рукой держась за перила. Сесть он пока не мог: на площадке оставили ведро, и дверь открывалась только наполовину. Возчик

поднялся и переставил ведро. Арен вышел ещё на одну ступень.

— Меня спросили, сяду ли я, — сказал он. — Куда, пока не спросили.

Мужчина бросил взгляд на Руту, словно решал, кто из нас задал первый вопрос. Рута назвала себя, показала разрешение и попросила взглянуть на бирку. Она разрешала выдать бельё на дорогу. Возчик вынул из кармана свой лист. Ему предписывали ждать при доме к назначенному часу. Графа выезда оставалась свободной.

— Мне сказали, её заполнят, когда он сядет, — сказал возчик.

— Тогда пока не заполняйте, — попросил Арен.

Ему пришлось повторить. Во второй раз возчик кивнул. Женщина вынула ближнюю подушку из повозки и положила на край крыльца. Арен сел рядом с ней. Я хотела спросить, чего он сейчас боится больше всего. Потом увидела, как тяжело он дышит, и спросила только, хочет ли он, чтобы при нём был кто-нибудь из нас, когда заполнят лист.

— Пусть мне сперва его принесут, — ответил он.

Рута записала просьбу при нём. Возчик прочёл запись и забрал ремень. Мы остались смотреть, как женщина собирает солому обратно в корзину. Она сохранила обе бирки, завязав их вместе, чтобы вечерний дежурный мог увидеть, чьё бельё уже приготовили.

Из лечебного двора мы вышли к нижнему посту. На зако-

лоченной калитке висел указатель, который обещал ставить Ильс. Стрелка указывала к столу дежурного. Под ней карандашом кто-то приписал, когда возобновят движение по мосту. Рута прочла число и стёрла его краем рукавицы. Писарь за столом сказал, что сам написал приблизительно. Людям хотелось знать, хватит ли дров ещё на день.

На скамейке ждала женщина с пустым рыбацким садком. Садок был заткнут куском ткани. Когда она встала, из него потянуло рекой. Она объяснила, что утром ей разрешили отнести мужу пищу: он прибыл с одним из лечебных обозов и теперь ночует у верхнего двора. Ей хотелось узнать, может ли он спуститься к ней сам. Писарь ответил, что запросы о выходе начнут принимать после решения совета. Показал указатель. Женщина прочла стрелку слева направо, потом справа налево. Там было только написано, куда идти. С какого дня, никто не указал.

— А если нам надо сегодня? — спросила она.

Писарь спросил фамилию мужа. Женщина посмотрела в сторону лестницы, где ждала ещё одна жена, и назвала только имя. Писарь предложил оставить полный адрес и обещал передать вопрос в фонд ко времени вечернего обхода. Она прижала к груди садок, отодвинулась от стола.

Рута спросила, хочет ли женщина, чтобы мы помогли ей написать просьбу. Та кивнула, но предупредила, что не хочет оставлять адрес в открытой книге. Мы нашли лист без заголовка. Женщина продиктовала, что готова прийти к мужу,

когда он сам согласится её увидеть. Я вписала место, откуда можно послать за ней. Писарь уже приготовился перенести это на оборот своей книги, когда Рута предложила положить просьбу в отдельный конверт и оставить его у самой женщины. Писарь перестал писать. Сказал, что тогда он ничего об этом знать не будет.

Женщина приложила конверт к ткани и вместе с ней убрала в садок.

— Когда разрешат, приду с ним.

Она вышла к мосту. Писарь справился, не надо ли убрать указатель до решения совета. Рута оставила стрелку и велела написать, что время приёма объявят отдельно. Пока он искал гвоздь, на скамейку села вторая жена. Спросила, где взять чистый лист. Я вытащила из сумки последний и отдала ей. Она положила его на колени, но писать при нас не стала.

На обратном пути я встретила Матвея. Он прочёл разрешённую выписку и спросил:

— Он говорил об удержании?

— Он просил не писать семье.

— Может, боится за них.

— Может. И я не буду проверять это, нарушив его просьбу.

Матвей прошёл несколько шагов молча.

— Тогда сначала место для защиты.

Я кивнула. Он поправил перекрутившийся ремень моей сумки. На этот раз не пытался забрать её без спроса. Я рас-

сказала ему про женщину с садком. Если вечером согласятся принимать просьбы, утром она поднимется с готовым листом, но лишь в том случае, если поймёт, куда идти. Матвей предложил напомнить об этом Ильсу. Объявление должны суметь прочесть и те, кто остаётся у моста.

Перед ужином Леда поймала меня у галереи. Попросила посмотреть старую надпись на бельевой бирке. Я разобрала номер обоза, рядом — выцветшие инициалы Арена.

— Одеяло нашли? — спросила я.

— Нет. Он вернул своё и взял чужое. Это после него осталось.

Я держала бирку в ладони. В книгах человек уже уехал на север. Его одеяло продолжало лежать здесь.

Глава 5
Мирный кубок

Ильс опоздал к ужину. Я знал причину, потому что видел его за полчаса до этого у дверей караульной.

Утром Дорс прислал мне приглашение зайти к нему после первого колокола. В строке для дела значилось «сверка приложений». Я пришёл с двумя номерами переводов, которые Рута разрешила назвать. Секретарь уже сидел за столом, опустив одну ногу в раскрытую пелерину. Видимо, под столом тянуло сильнее, чем у двери. Он предложил мне место и извинился, что дали только один табурет. Второй унесли человеку, который ждал с прошлого вечера.

— Кто ждёт? — спросил я.

Дорс поднял расписание.

— Уже никто. Ему сказали прийти завтра.

Я положил на край стола записку с номерами. Секретарь не взял её сразу. Попросил сказать, какие имена я собираюсь по ним разыскивать, чтобы он мог подготовить выписку сразу на обоих. Я ответил, что сначала хочу знать, на каком основании в ровенском перечне уже есть полные имена.

— Семья написала, — сказал Дорс. — Можно затребовать подлинник.

— Обоих?

— У одного госпиталь. Господин Ильс вам не сказал?

— Сказал. Он обещал исходный запрос. В нём должно быть видно, кому разрешили отвечать.

Секретарь положил расписание на печать и расстегнул ворот. На несколько мгновений он стал похож на человека, которому действительно надоело объяснять одну и ту же задержку разным людям.

— В госпитале умеют отвечать на то, что у них спрашивают. Семья отвечает про человека. Иногда этого хватает, чтобы найти пропавшего, иногда в ответе только адрес, по которому его видели зимой. Если велеть всем присылать письма лично господину советнику, он получит два мешка бумаги и спросит, почему я ничего не разобрал.

— Можно разобрать письмо, не пересылая целиком.

— Вот я и разбираю.

В дверь постучал служитель, который перед этим унёс второй табурет. За ним стоял старик в дорожной шапке, держа её обеими руками за завязки. Я решил, что это тот человек, которого просили прийти завтра. Дорс не стал спрашивать имя. Узнал старика и назвал улицу, откуда тот приехал. Старик сказал, что живёт там только по будням, пока сын ходит на работу. Если у сына будет смена и в воскресенье, придётся опять идти ночевать к нему. Спросил, переложат ли обратно бумагу, которую оставил вчера.

— Смотря что вы хотите сделать с бумагой, — сказал Дорс.

Старик подошёл к столу. Пока шёл, завязки спутались. Он положил шапку на край и попытался развязать. Ответил, что разрешение ему нужно сегодня. Само письмо о разрешении пусть отправят туда, где стоит его фургон. Если письмо получит сын, он его отцу не покажет. Скажет, что тот уже ездил достаточно.

Дорс достал из нижнего ящика конверт. Прочёл первые строки, затем спросил, носит ли старик при себе прежнюю расписку. Тот показал её, приподняв повязку на рукаве. Положить расписку на стол было неудобно, и Дорс встал, подошёл и прочёл прямо с его руки. Потом передал конверт и объяснил, у кого оставят ключи, если назначат разговор. По этому объяснению даже мне стало ясно, почему старик торопится и где его искать. Дорс успел передать ему нужный ответ, пока я ещё пытался понять, о каком разрешении он говорит.

Старик ушёл с конвертом. Служитель заглянул снова, на этот раз за шапкой. Дорс подал её сам и предупредил, что человеку нельзя долго стоять у двери: после дороги у него болит колено. Служитель спросил, стоит ли взять табурет. Дорс поморщился. У старика хватило времени дойти до лестницы. Достаточно догнать и вернуть шапку.

— Когда вы впервые были здесь с Ильсом? — спросил я, пока он возвращался к столу.

— До нынешней конюшни. Этот старик каждое утро разрешал нам ставить ящики под своим фургоном, пока из верх-

ней канцелярии не приходил человек с ключом. Ильс тогда собирал обращения прямо во дворе. Он мог час разговаривать с одним, а остальные сидели на ящиках. Утром всё начиналось заново. Я запомнил, кто когда приходит, раньше, чем люди узнали моё имя.

Он нашёл на столе чернильницу, вынул палочку, которой придерживал крышку, и предложил мне чернила. Я успел заметить, что у него в черновике две записанные даты. Одну он зачеркнул сразу после ухода старика. Вторая оставалась открыта. Ильс бы сам, наверное, спросил у старика, где тот хочет получить письмо. Секретарь мог сберечь ему и эту минуту. Пока я смотрел, как он освобождает на столе место, мне не приходило в голову, что один и тот же человек решает, какой вопрос до Ильса дойдёт и какой успеет исчезнуть из списка сам собой.

Он протянул руку к моим номерам. Я отвернул записку так, чтобы ему была видна только та сторона, на которой Рута поставила отметку о проверке. Дорс прочёл, кивнул и позвал писаря. Ему поручил запросить два экземпляра и занести в книгу, что Корин отказался назвать людей, по которым просит сведения.

— Я дал номера, — сказал я.

Дорс повернулся к писарю:

— Запишите номера.

Пока писарь писал, я увидел на подоконнике несколько листов, уложенных под свинцовый грузик. Верхний уже ад-

ресовали перевозчику. Из-под него торчал угол больничной выписки. Я не видел текста. Позже мне хотелось вспомнить, лежали ли они под одним грузиком или каждый прижали своим. В то утро мне хватило того, что Дорс попросил передать один лист с возчиком, а нам после второго колокола обещал принести другой.

У двери меня догнала Кест. Она пришла за соглашением о дровах и выглядела так, словно всю ночь сама таскала поленья. Я спросил, как к Ильсу попали сведения от семьи.

— Внизу, где ждут переправы, женщина передала письмо человеку из госпиталя. Он отнёс с заявлением о розыске. У него не было права назвать адрес, зато он мог подтвердить, что письмо относится к одному из больных.

— Она его сестра?

Кест остановилась. Я понял, что перед ней успел поставить тот же вопрос, который Дорс поставил передо мной.

— Если она решит вам сказать, вы узнаете, — ответила Кест. — Марек сначала спросил, на какой стороне она хочет получить ответ. А потом велел убрать из списков всё, с чем можно прийти к ней домой.

Она забрала с крючка забытый кем-то шарф и отнесла писарю. Я остался в дверях. В тот момент мне казалось, что наибольшая опасность в том, сколько времени уходит на одно письмо. На эту мысль у меня ещё хватило утра.

До ужина мы с Ильсом встретились ещё раз. Я нашёл его на кухонной лестнице. Он держал бумажный пакет и пытал-

ся просунуть его между пуговицами в пальто. Пакет хрустел, Ильс сердился и при этом старался не помять углы. В конце концов попросил придержать одну полу. Под пальто оказалась книжечка с двумя вложенными письмами.

— Жена хочет узнать, что у нас называют белым знаменем, — сказал он. — Я написал, что это старый кусок полотна над головой у председателя. Она ответит, что могла и не спрашивать.

Он вытащил одну из записок и посмотрел на свет.

— Когда я здесь служил, флаг вешали только на мосту. Люди видели его ещё от лавок. Вытирали сапоги, кому надо, выходили на дорогу раньше. Теперь он висит в зале, а на мосту два человека спрашивают, у кого есть разрешение.

— Вы хотите вернуть его на мост?

— Я хочу, чтобы оттуда было видно, когда можно ехать.

Он убрал записку обратно. Потом спросил, знаю ли я, чем Элиана занималась после того, как мы разошлись у галереи. Я сказал, что она помогала людям, которым некуда подать просьбу. Он прислонился к стене и выдохнул с таким облегчением, будто получил ответ раньше срока, а вместе с ним — ещё один час работы.

— Тогда вечером поможете мне внести один вопрос. Пусть скажут, кому люди смогут отдать бумагу завтра. Если снова начнут спорить, кто оплачивает дорогу, надо сразу спросить о приёме. Про дорогу у нас времени уйдёт больше.

Я пообещал напомнить. Он посмотрел на меня и усмех-

нулся.

— Вы напомните, даже если я сам заговорю про деньги?

— Да.

— Хорошо. А потом встретимся. Вы не приносите ещё один список, я уже прочёл два. Принесите хоть одну вещь, о которой вам самому противно спрашивать.

Я хотел узнать, зачем ему именно такая вещь. Но Ильс увидел внизу караульного и пошёл к нему, придерживая пакет, чтобы не упал. Я остался на ступеньке, прикидывая, о чём спрошу. Тогда мне предстояло выбрать из трёх или четырёх вопросов. Ни о каком из них в тот вечер он ответить уже не успел.

Перед ужином я снова встретил Ильса у десятника. Тот стоял к нему боком, заполняя журнал. Ильс держал на ладони связку ключей, слишком маленьких для крепостных дверей. На скамье между ними дремал старик в дорожном плаще.

— Он нанимался сторожить фургон, — говорил Ильс. — Как сторожить, если фургон на той стороне, а его держат здесь?

— Он приехал при больных. В списке так и стоит.

— В каком столбце?

Десятник не отвечал, пока не закончил строку. Потом повернул журнал на себя и показал пальцем. Ильс нагнулся. Я подошёл ближе и узнал печатный разворот: в таком же бланке вчера сверяли переданные нам дорожные бумаги. Под об-

щим числом людей шли имена тех, за кого учреждение принимало ответственность. Десятник показывал на верхнюю строку.

— Здесь он один из сопровождающих, — сказал Ильс. — Под строкой его нет.

— Старший смены велел оставить всех из фургона до утреннего осмотра.

Старик поднял голову. Движение вышло резким, словно он боялся, что проспал собственный вызов.

— Я сам вернусь, господин советник, — сказал он. — У меня там одеяло. Мне бы чтоб до снега добраться.

Ильс протянул ему ключи. Старик взял их обеими руками. Один упал и звякнул о камень. Десятник нагнулся за ним раньше Ильса.

— Выход разрешает комендант, — сказал он. — Я могу отнести ему просьбу.

— Отнесите. Я подожду у двери.

Он действительно подождал. На лестнице было холодно даже в пальто. Ильс прислонился к перилам и закрыл глаза, пока снизу не позвали. Ратт разрешил старику выйти во двор нижнего поста, где хранился фургон. Возвращаться наверх до утра тот мог по своему желанию. Для десятника это означало две записи. Ильс прочёл обе, спросил, кто будет принимать следующую смену, и только тогда ушёл.

Я догнал его у лестницы в зал.

— Что он вам рассказал?

— Что у него забрали ключи. Этого хватило.

— О пассажирах ничего?

Ильс остановился, пропуская служителя с кувшинами.

— Если вам захочется поговорить с ним, дождитесь завтра. Пусть сперва поспит в своём фургоне.

Мне не понравилось, что он посчитал нужным это сказать. Ещё меньше мне понравилось, что при первом взгляде на старика я действительно подумал о пассажирах.

В зале Ильс снял пальто и первым делом съел хлеб, предназначенный соседу.

— Прошу прощения, — сказал он, заметив пустое место. — Я рассчитывал, что вы будете говорить дольше.

Сосед оказался представителем военной канцелярии. Юмор ему не помог.

— Пока вы ходили за распоряжением, — сказал он, — с той стороны прислали ответ. Они согласятся пропускать наши обозы под своим осмотром. Людей оставят по прежним условиям.

Ильс положил недоеденный хлеб на край тарелки.

— То есть из повозки, куда вы положили горшок и посадили человека, горшок проедет?

— По условиям соглашения нужен встречный пропуск.

— Горшку или человеку?

Сосед начал объяснять, что вопросы перевозки лучше отделять от вопросов содержания. Я видел, как Ильс всё медленнее разламывал хлеб. Через стол Кест выпрямила перед

собой ложку.

— Можем начать со встречного списка освобождённых, — предложила она. — Каждая сторона подтверждает только тех, кто сам запросил выезд. Подпись принимающей стороны ставим при человеке.

— А если он передумает в дороге? — спросил Олвейн.

Вопрос прозвучал издалека, с другого конца стола. За ужином уже успели открыть окна, и ткань белого знамени шевельнулась над его плечом.

— Спрашиваем ещё раз там, где он передумал, — сказала Кест.

— Кто будет отвечать за его лечение до второго вопроса?

Кест положила ложку поперёк тарелки. У ответа была цена, и при всех присутствующих она не собиралась обещать за неё деньги.

Ильс подвинул к себе чашку.

— Внесём стоимость одного переезда. Обсудим поимённо, кому мы можем обеспечить дорогу. Сегодня хотя бы выясним, сколько таких людей.

Я постучал пальцем по столу. Он не услышал. Встал, подошёл к нему под предлогом передать хлеб и напомнил про приём у нижнего поста. Ильс сощурился, потом отодвинул тарелку и поднял руку, чтобы его выслушали.

— Мы сейчас спрашиваем, сколько людей хотят выехать, — сказал он. — А все, кто может нам ответить, сидят за стеной. У некоторых уже есть прошения. Кому их отдать?

Представитель вальденцев заговорил о полномочиях комиссии. Ильс выслушал, взял хлеб у меня из руки, положил на свою тарелку и снова спросил: кому отдать бумагу. Человек назвал дежурного от совета. Кест спросила, найдётся ли второй, чтобы заявление не ушло к тем, на кого человек жалуется. Мы ждали, пока найдётся имя. К тому времени, как писарь отыскал чистый лист, хлеб Ильса уже разошёлся по соседним тарелкам.

— Тогда начнём с накладных, — сказал Олвейн. — На завтрашнее заседание мой управляющий принесёт цифры.

— А люди смогут войти без него?

Олвейн не ответил сразу. В это время служитель поставил перед ним блюдо и попросил убрать локоть. Он послушался, поблагодарил. Когда отступили со всех сторон и снова стало слышно говоривших, за столом уже обсуждали, кто получит право осматривать печати на встречных обозах.

Кест подозвала писаря и попросила занести в лист согласований две строки. До утреннего заседания обе стороны принимают просьбы о выезде непосредственно от пациентов. Приём ведут два дежурных, по одному от каждой делегации. Выдачу пропусков и оплату дороги предстояло обсуждать отдельно.

Сосед Ильса по столу попросил добавить, что при подаче просьбы никаких обязательств с людей не снимают. Кест согласилась. Олвейн спросил, в каком помещении собираются принимать больных. Ему назвали нижнюю канцелярию. Он

уточнил, есть ли там ступени, а потом предложил сам прислать людей, которые сопроводят всех желающих. Кест ответила, что Ратт выделит караульного, и на этом разговор закончился.

Писарь оставил лист на углу стола. Внизу мелким почерком он успел приписать: «с первой утренней смены». Я ещё не знал, что потом буду искать этот лист среди бумаг погибшего, чтобы дежурные всё-таки приступили к работе.

Я сидел достаточно далеко, чтобы не слышать тихих разговоров, но видел дверь, стол служителей и руки людей напротив. Элиана находилась через два места. Она попробовала подвинуть ко мне соль, увидела расстояние и рассмеялась. Пришлось попросить передать.

Дорс несколько раз выходил. Возвращаясь, каждый раз наклонялся к Ильсу. Сначала тот кивал, потом раздражённо махнул рукой.

— Всё после еды, Эрлен. Если крепость тонет, меняйте стол на лодку.

Дорс выпрямился. При нём всегда был лист со списком встреч, сложенный вчетверо, но сейчас он убрал его, даже не развернув. Ильс проводил его взглядом и окликнул:

— Эрлен. Идите садитесь. Вы с утра ничего не ели.

Секретарь оглянулся. Нера уже поставила ему прибор с краю стола, рядом с местом старшего писаря. Под салфеткой криво лежал нож. Дорс поправил его, прежде чем сесть.

Кест попросила принести ещё воды. Тим поспешил к ней,

споткнулся о пустой стул и едва не выронил кувшин. Нера поймала его снизу обеими руками. У мальчика покраснели уши. Она дождалась, пока он возьмёт крепче, и ушла за полотнами. Я успел увидеть у неё на переднике меловой след от сложенной ткани.

После горячего Ильс подошёл ко мне сам. В руке держал половину груши.

— Вы нашли человека?

— Архивистка нашла. Он пока не готов говорить.

— Разумный человек. Я бы тоже не был готов после первой встречи с вами.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Без обиды. У вас лицо, с которым приходят сообщать плохое.

— Мне это часто поручают.

Ильс перестал улыбаться.

— Сегодня я принесу две копии. Не только имена. Отказ в отпуске, жалобу семьи. Источник останется у меня до согласования защиты.

— Секретарь знает?

— Он готовил часть переписки.

Ильс оставил грушу на пустом блюдце. Теперь он смотрел мимо меня на стол, где Дорс аккуратно выводил что-то на обороте расписания.

— Я просил оформить встречу через мой кабинет, — сказал он. — Вам могли предложить прийти туда и раскрыть

имя при писаре. Этого делать не надо. В нижней библиотеке с девятого колокола будет дежурить мой человек. Позовите госпожу Вель, если она захочет прийти.

— Хотите дать нам копии, а место свидетеля пока оставить у себя?

— Пока он не согласится. Условия предложите вы. Если он откажется, подождём.

— Долго?

— Наверное. В вашем письме не было сказано, что работа срочная.

— Двух людей вписали в перечень до того, как мы привезли списки. Там уже кто-то не ждёт.

Ильс кивнул, подбирая ответ. У стола захлопали: Кест предложила тост за возвращение обычного движения на переправе, и это оказалось единственным за весь ужин предложением, на которое согласились даже люди военной канцелярии.

— Когда я начинал, — сказал Ильс, так тихо, что я наклонился, — я тоже считал, что потерянное время нужно чем-нибудь наверстать. Обычно навёрстывал на том, у кого было меньше всего способов мне отказать. С источником так больше не делаю.

Он поднял за ножку чашку, которую оставил на соседнем столике неизвестный гость, и помахал Кест, словно успел произнести тост вместе с остальными. Потом заметил, что чашка чужая, и поставил обратно.

Ильса позвали. Он вернулся на место, принял чашку и маленький свёрток с лекарством. Нера убирала со стола сложенные полотна; Тим стоял у стены с пустым кувшином. Потом между мной и ними прошёл служитель, и я потерял их из виду.

Пока мы сидели, разговор распался на несколько маленьких. Кест спорила с Раттом о числе телег, которые можно одновременно поставить под навес. Десятник из караульной принёс кому-то весть, наклонился над плечом, и я подумал, что могу спросить его, как там старик с фургоном. Элиана сказала господину по соседству, что уже семьями занимается другая канцелярия и он ошибся дверью. Господин поверил и отстал. Я показал ей на незанятый стул у стены, собираясь познакомить её с Ильсом до библиотеки.

Она сделала движение ко мне. В ту же минуту Ильс встал. Чашка опрокинулась, но он не попытался её поймать. Пальцы легли на край стола.

Я подошёл раньше, чем понял, что бегу.

— Позовите лекаря.

Дорс уже поддерживал его с другой стороны. Мы усадили Ильса. Он пытался вдохнуть, сжав моё предплечье так сильно, что ногти прошли через ткань.

— Не... — сказал он.

Я наклонился. Больше слов не было.

Ратт отодвинул гостей и велел освободить проход. Лекарь опустился перед Ильсом, попросил воды, потом передумал.

Задал секретарю вопросы о болезни и лекарстве. Дорс отвечал быстро. Я видел, как дрожит у него нижняя губа.

Олвейн стоял у своего стула. На столе перед ним оставалась нетронутая чашка.

— Мой лекарь в нижнем дворе, — сказал он.

— Приведите, — ответил Ратт.

Прежде чем вошёл второй лекарь, первый перестал торопиться. Это изменение я знал слишком хорошо.

Он закрыл Ильсу глаза.

В зале кто-то начал громко молиться. Дорс всё ещё держал руку хозяина и не сразу понял, что его просят отойти.

Кест встала за стулом. Смотрела на Ильса так внимательно, как до этого смотрела на людей, которых собиралась перебить. Её позвали от двери. Она не услышала. Наконец подошла, сняла с его спинки пальто и прижала к себе. Я вспомнил пакет на кухонной лестнице и хотел сказать ей про письма. Между нами встал лекарь, попросил всех отойти. Мне оставалось ждать, пока рассказать можно будет за дверью, и слушать, как Дорс дважды начинает одну и ту же фразу.

— Вино, — произнёс он наконец. — Нужно проверить вино. Была чужая подача, я говорил...

— Ничего не убирать, — сказал я.

Ратт посмотрел на меня.

— Я уже приказал.

Я отступил. На моей руке остались четыре красные полосы. Ильс собирался передать мне документы. Кто-то знал об

этом, кто-то имел доступ к столу. Я посмотрел на Олвейна и увидел, что он наблюдает за мной.

Вместо того чтобы отвернуться, я запомнил это как улику. Позже мне пришлось исправить запись.

Глава 6
Закрытые ворота

Когда за мной пришли, я уже слышала шум на лестнице. Из зала нас вывели, пока лекарь пытался помочь Ильсу. Я спустилась за ним до первого поворота, но там люди Олвейна попросили меня подождать: они вели второго лекаря. Тот шёл в одном сапоге и в туфле. Я прижалась к стене, чтобы его пропустить. С той минуты мне вспомнилась прежде всего эта туфля, стучавшая о ступеньки, и то, как долго потом никто не спускался.

Служитель говорил слишком быстро. Я поняла только имя Ильса и пошла следом, забыв сумку. В зале было холодно: распахнули обе двери. Лекарь стоял рядом с креслом и вытирал руки.

— Поздно, — сказал он, увидев меня. — Не надо.

Я остановилась. Матвей находился у окна, глядя на своё предплечье. Его лицо я поняла раньше остального.

Ко мне подошла женщина в дорогом тёмном платье.

— Но вы ведь можете попробовать?

— Он умер.

— Я понимаю. Я только...

— Нет.

Это слово произнести оказалось труднее, чем я ожидала.

Женщина отступила с таким выражением, будто отказ принадлежал мне, а не миру.

Матвей поднял голову. Ничего не сказал, просто подвинул стул. Я села на несколько мгновений, пока не перестали дрожать колени.

Женщина вернулась. На этот раз она остановилась по другую сторону стула и спросила тихо, сколько камней понадобилось бы, если бы я пришла раньше. В руке она сжимала ключ, привязанный к поясу узкой лентой. Пока я искала слова, она дважды подтянула ленту. Она, видимо, решила, что при всех я не стала обсуждать цену.

— Я могу отпереть свою кассу, — сказала она. — Там немного. За остальным пошлю домой. Если у вас была возможность, а вы узнали обо всём поздно, я должна понимать, скольких людей нам ещё надо позвать.

Лекарь у кресла поднял голову. Я подумала, сейчас он снова скажет «поздно», и женщине придётся в третий раз услышать одно слово. Он ничего не сказал. Сложил полотенце, которым вытирал руки, и положил на спинку кресла. Место за столом, где сидел Ильс, всё ещё было освещено. Женщина смотрела туда, словно Ильс мог вернуться сам, если мы все перестанем смотреть на кресло.

— У него больше нет времени, которое я могла бы помочь ему прожить, — сказала я. — Камни здесь ничего не сделают.

Она села на стул, стоявший рядом, и на коленях опять ста-

ла расправлять ленту. Потом сказала, что жена Ильса ждёт его за рекой. Они вместе выбирали комнату для него на время совета. Дверь закрывалась тяжело, и жена просила её проверить, можно ли оставить ночью приоткрытой, чтобы не хлопала, когда по коридору ходят. Женщина тогда пообещала позаботиться. Ей было легче рассказывать об этой двери, чем повторить вслух, зачем она подошла ко мне.

— Вы в зале были, когда ему стало плохо? — спросила я.

— У лестницы. Ждала, когда можно будет позвать человека из кладовой. Они уже начали ставить стулья вдоль стены, потом опять снимали их с прохода. Я думала, кого ждут. Теперь, если спросят, я не скажу точно, успел ли он встать до того, как люди задвигали стульями.

— Так и скажите. До лестницы люди помнят одно, от лестницы — другое. Если услышите, как это видел кто-нибудь ещё, всё равно сможете повторить, что видели сами.

Она спросила, будет ли у неё ещё время, прежде чем надо будет идти и говорить. Я предложила позвать Кест, которая знала семью. Женщина отвязала наконец ключ, сунула его обратно под пояс и сказала, что до Кест дойдёт сама. Попросила у лекаря только дозволения взять кресельную накидку, чтобы ночью постелить её у двери той самой комнаты. Лекарь сказал, что накидку пока нельзя уносить из зала. Тогда она решила взять своё пальто. Он хотел ей что-то возразить, но она уже шла по проходу, придерживая юбку, чтобы не задеть стулья.

От края стола потянуло холодом. Матвей стоял у моего стула, почти касаясь рукой спинки. Я впервые увидела, что у него на манжете тёмная черта. Он заметил, куда я смотрю, и сказал, что это вино: рукав упал на край тарелки, когда он поднял Ильса. Я не помнила, у кого он попросил тогда помочь. Спросила, принести ли воды. Он ответил сразу, что не надо. Потом тоже подумал и сказал, что выпил бы, если есть. Его руки всё ещё оставались в том положении, в каком он мог бы подхватить человека, стоило тому наклониться. Я взяла у служителя кружку. Матвей заметил её у себя перед глазами не сразу, а когда заметил, выпил и только потом отошёл от стула.

Над столами развешивали чистые полотна, закрывая посуду до осмотра. Леда пересчитывала работников. Тим сидел у печи, крепко обняв кувшин. Нера проверяла узел у него на рукаве.

— Не уходи, — услышала я.

Мальчик кивнул.

Она подняла глаза на закрытую дверь служебной комнаты, потом на корзину с убранными салфетками. Её взгляд задержался. Я тогда подумала о плате за испорченное бельё.

Ратт потребовал закрыть ворота. Десятник сказал, что на нижнем дворе ждёт мука и если оставить телеги на морозе, лошади лягут. Они спорили недолго. Въезд остановили, но подвоз еды и вывоз нечистот разрешили после личной проверки.

— Всех записывать, — повторял Ратт. — И обратно тоже.

Леда попросила вывести детей из зала. Караульный не разрешил до окончания первого опроса. Тим смотрел на неё с обидой, будто она могла отменить приказ и просто не хотела.

Я принесла ему воды в другой кружке. Он наконец поставил кувшин.

— А если я сейчас скажу, что хочу домой, меня тоже запишут? — спросил он.

— Наверно. А куда ты хочешь?

Он посмотрел на Неру. Она стояла в очереди за Ледой, в руках у неё был передник. Когда подходил караульный, все переставали разговаривать. Нера тоже молчала, но смотрела на каждого, пока он не отворачивался.

— Мне с ней ехать, — сказал Тим.

— Куда?

— Куда она скажет.

Он отпил ещё, потом передал кружку старухе, сидевшей с пустыми руками. Старуха взяла её и рассеянно поблагодарила его чужим именем. Тим поправлять не стал.

Леда наконец подошла к нам. Хотела узнать, кто имеет право вывести её людей. Я показала десятника у дальней двери. Она посмотрела на него и осталась стоять рядом.

— У Саны ребёнок один, — сказала она. — Я её домой отправила. А теперь она снаружи и лекарь внутри.

— Где они живут?

— Через два двора от нижнего поста. Там к жилью есть

другая лестница. Ратт и её перекрыл.

Караульный разрешил передать записку с хозяйственным обозом, если указать, кому и куда. Леда диктовала мне, стараясь говорить ровно: ребёнок кашлял с утра, к вечеру жаловался на грудь, дольше всего ему удавалось спать сидя. Я написала адрес и попросила десятника отнести записку второму лекарю. Тот живёт в нижнем городе и всё равно возвращается туда, как только Ратт откроет служебную дверь.

— Вы могли бы сходить с ним, — сказала Леда. Она произнесла это как простую мысль. Глаза у неё стояли неподвижно, будто остаток фразы ещё можно было взять назад.

— Если лекарю понадобятся руки, он скажет. Пока ему нужно дойти.

Она коротко кивнула. Потом взяла меня за локоть и сказала так тихо, что Тим не слышал:

— У некоторых за неделю двое умирают. С первым ты ещё знаешь, чего боишься. Со вторым просто считаешь, сколько в доме осталось кроватей.

Я не знала, кого она имела в виду. Спросить не успела. Десятник увидел записку и подозвал своего человека. Тот прочёл адрес вслух, сверяясь с хозяйственным бланком, и Леда вдруг стала объяснять, как отличить нужный двор от соседнего. Там, где живёт Сана, над дверью висит лопата без черенка. Караульный записал лопату. После этого Леда согласилась отойти от двери.

Я думала уйти к себе, но из бокового коридора выносили

Ильса. Кест шла за носилками, держа его пальто. Подол задевал пол. Я догнала её и подняла ткань. Она не уступила мне пальто целиком. До комнаты у лестницы мы так и несли его вдвоём.

У дверей Кест вдруг сказала:

— Он заставил меня выступать первой. Когда мы оба служили в окружном совете. Я тогда решила, что он просто хочет посмотреть, как меня остановят.

Она отвела пальто в сторону, пропуская носилки.

— Остановили?

— Да. Он попросил внести моё выступление в протокол целиком. До совета я писала его речи. Оказалось, он мог написать себе речь сам.

Кест сняла пальто с моей руки и сложила его на спинке стула. Старалась сложить так, чтобы края совпали. Я узнала эту работу: когда руки заняты малым и точным, можно ещё немного не решать, что делать со всем остальным.

На столике остался лист с выступлениями. Имя Ильса шло первым и здесь. Кест попросила дежурного разрешить отдать ей лист. Тот не знал, относится ли бумага к осмотру, и пошёл спрашивать. Кест сказала, что дождётся.

Внизу тем временем объявили, что до открытия ворот не выйдет даже смена с нижней кухни. По лестнице сразу поднялись двое работников. Один пытался объяснить дежурному, что трое его людей остались на берегу с раздачей дров. Им обещали прислать хлеб к вечеру. Другой держал на локте

свёрток и повторял, что повару пора дать ответ. Дежурный слушал одновременно обоих и от этого не мог разобрать ни одного.

Кест поднялась со стула.

— Кто у вас отвечает за нижнюю кухню?

— Сейчас никто. Тот, кто отвечает, был на ужине. Его оставили наверху.

Она спросила, сохранился ли вчерашний список выдачи. Работник протянул свёрток. В нём лежали хлеб и расписка Мирены, сероватая от снега. Кест расправила её у лампы. Освободившаяся сторона печати захватила кусок бумаги с отметкой о доставке хлеба. Записывали всё, что доехало, и ничего о том, что обещали прислать следом.

Я предложила записать имена троих и отнести хлеб к караульным. Дежурный ответил, что люди на посту сменяются. Если хлеб оставить там, никто не узнает, для кого. Кест посмотрела на него с такой усталостью, что он перестал заканчивать возражение.

— Пойдите с ней, — сказала она. — Найдите того, кто сейчас начальник смены. Пусть сам напишет, что принял. Людей не выводить, хлеб передать.

Спустились мы втроём. Работник с хлебом показал у лестницы комнату, где со вчерашнего дня оставляли запасные поленья. В ней сидел старик с фургоном, которого Ильс отпустил с верхнего поста. Мне про это успел сказать Матвей, прежде чем нас развели по разным концам зала. Старик

теперь держал ключи поверх рукавицы, чтобы не звенели. Его не пускали к фургону, пока не закончится проверка. Он узнал расписку, показал на имя Мирены и спросил, вернётся ли она сюда сегодня. Дежурный ответил, что узнает. Старик взял хлеб у работника и попросил снять с него только половину. Вторую он положил на свою рукавицу.

— Потом напишите, что у меня осталась, — попросил он. — Иначе скажут, что я опять не туда сел.

Через несколько минут дежурный вернулся с подписью сменного начальника. Одному работнику позволили отнести хлеб на берег и тут же вернуться. Старик остался у печи с ключами. Я поднялась к Кест, чтобы сказать, кто получил разрешение. Ей к тому времени отдали копию листа с выступлениями. Она уже переписала первые две строки от руки и спросила у меня, в какой канцелярии держат адреса семей.

Я назвала ту, которую знала. Она поблагодарила. Я оставила ей стул и ушла пешком по большой лестнице, хотя по короткой было бы ближе.

Возле гостевых комнат сидел Матвей. Он снял помятый кафтан и положил на колено. Между тканью и рубашкой в одном месте осталась нитка, которую он пытался вытянуть. Я села рядом. Мы ещё какое-то время смотрели на его рукав, пока он сам не спросил, хочу ли я узнать, что было в зале.

— Хочу. Если можешь рассказать сейчас.

Он начал с того, что Ильс опрокинул чашку. Потом пе-

рескочил на то, как держал его, и снова вернулся к чашке. Я слушала. О собственной работе обычно говорю с конца: дышит ли человек сейчас, можно ли его передвинуть, есть ли тот, кто с ним посидит. Матвею нужно было рассказать по порядку, потому что порядок ещё зависел от него. Всё остальное, даже то, куда понесут пальто Ильса, уже решалось без него.

— В пальто он убрал письма, — сказал Матвей и так неожиданно повернулся ко мне, что нитка порвалась. — Кест надо сказать, что там письма.

Я ответила, что видела её с пальто. Матвей спросил, могу ли я отнести записку о письмах. Я достала лист. Он хотел написать сам, взял перо, потом положил обратно. Диктовал коротко. Когда дошёл до того, что пальто досталось Кест, попросил заменить слово «досталось» на «отдали». Я исправила и дала ему прочесть. Подписать он решил сам.

Служитель унёс записку. Матвей выпустил кафтан из рук. Я взяла его и показала, где ткань разошлась у локтя. Спросила, могу ли отнести Леде завтра. Он кивнул. Потом вдруг сказал, что может посидеть, пока я не засну. Я ответила, что сперва хочу посидеть с ним. Он подвинулся, и мы ещё долго слышали, как лестница под нами скрипит от чужих шагов.

Я задремала, так и не раздевшись. Разбудила меня Рута. В лечебный дом пришли новые бумаги о переводе Арена. Их датировали утром, до смерти Ильса, но теперь представитель фонда требовал исполнить всё немедленно: положе-

ние в крепости опасное.

— Где представитель?

— Просил открыть нижний проезд. Там его и держат.

Мы посмотрели его прошение в караульной. К нему прилагалось разрешение для двух сотрудников фонда посещать больных, подписанное дежурным управляющим лечебного дома. Оно оставалось в силе, даже если бы перевод отложили. Кто-то наверху уже подготовил обход: в списке было семь палат и четыре имени.

— Арен в этом списке есть, — сказала я.

Рута подняла второй лист к свече.

— И здесь. Один лист о посещении. Другой про перевозку. У них в прошении оба называются «медицинским сопровождением».

Она разложила бумаги на два края стола. Десятник дождался, пока мы дочитаем, и придвинул разрешение на посещение ближе к лампе.

— С этими господами был ночной лекарь. Его пропустили с сумкой. Сказали, в нижнем доме теперь дежурит только одна женщина.

Я вспомнила женщину в светлом переднике, которая отошла от Ареновой кровати, как только он попросил. В воображении у неё за спиной уже стояли двое людей с исправными пропусками. Не придумывать за них злого умысла было легко на бумаге и гораздо труднее на этой лестнице.

— Нам нужно успеть до выхода, — сказала я.

— Нужно, — согласилась Рута. — И точно знать, какую бумагу они покажут на выходе.

В нижнем дворе я увидела повозку с белой тесёмкой на дуге. На мосту такую тесёмку привязывали к обозу, который следовало пропустить без ожидания. В свёрнутый тент набился снег. Завидев нас, возчик взялся его стряхивать. Я узнала руки, которые днём проверяли ремень, и спросила, показывали ли ему место назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.